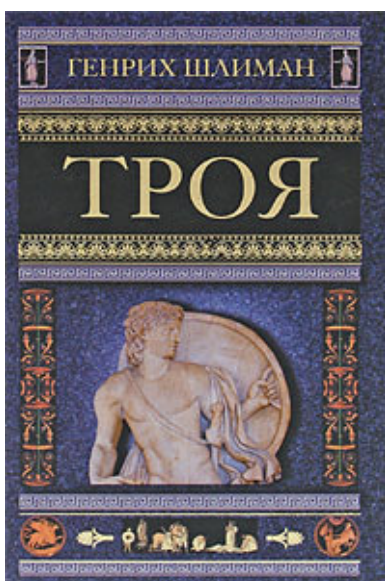

Генрих Шлиман Троя

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619045
Троя / Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4621-2*

Аннотация

Настоящая книга является логическим продолжением и дополнением к «Илиону». И Гиссарлык, и остальная часть Трояды были систематически и тщательно раскопаны Шлиманом. Он скрупулезно изучил каждое древнее поселение Трояды и место, где стояла сама Троя. Результаты в некоторой степени послужили добавлением и исправлением заключений, к которым он пришел в «Илионе», и имеют высочайшую ценность для науки.

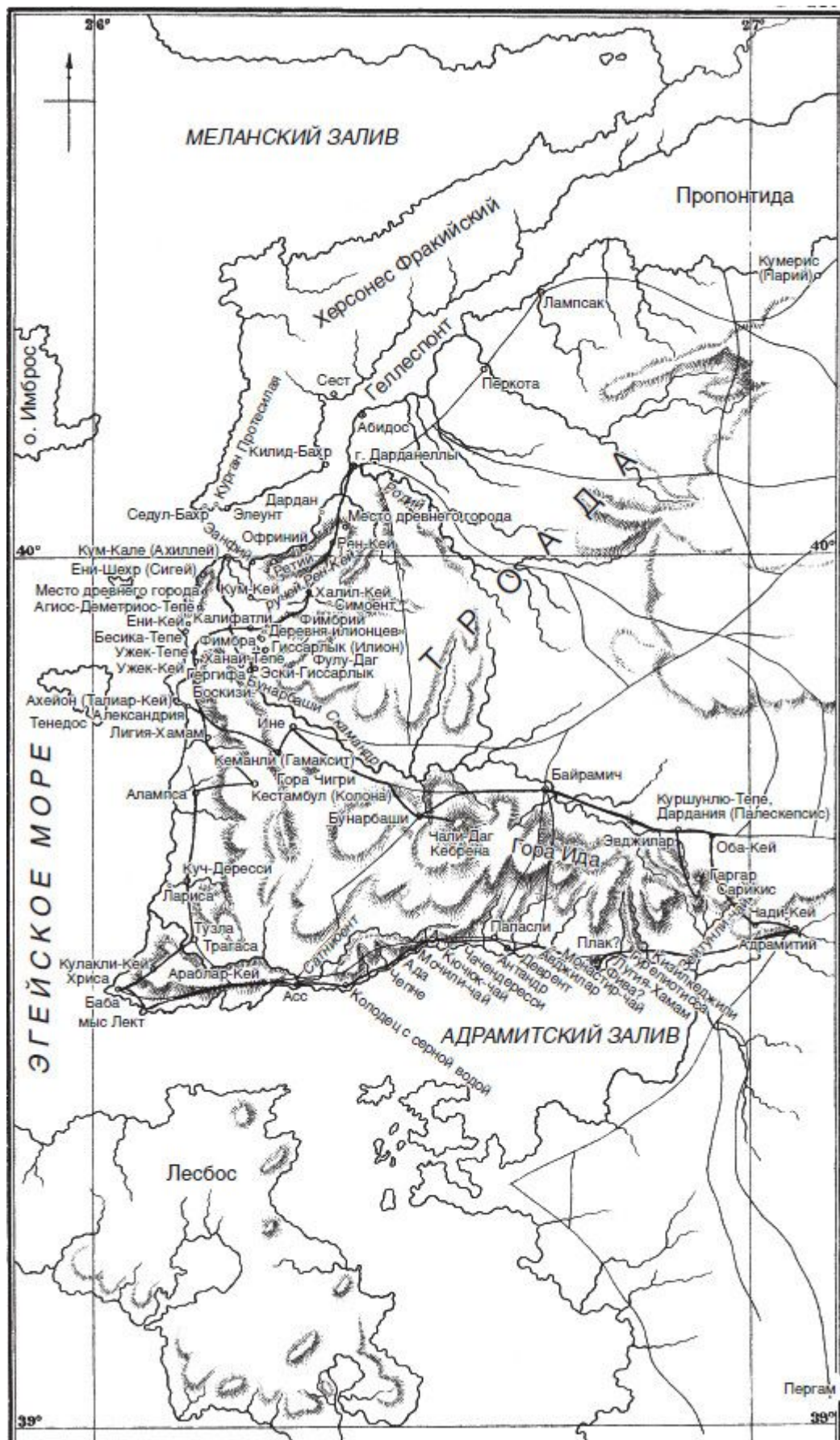
Издание прекрасно иллюстрировано и снабжено картами и планами раскопок, приложение включает посвященные Трое статьи известных ученых Р. Вирхова, К. Блинда и Д.П. Махаффи. На русском языке книга выходит впервые.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	19
Глава II	33
Глава III	48
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Генрих Шлиман Троя

Предисловие

И десяти лет не прошло с той поры, когда нам казалось, что начало греческой истории скрылось за завесой непроницаемой тьмы. Вольф и его последователи буквально разорвали Гомера на куски; школа Нибура критиковала легенды доисторической Эллады, откуда от них ничего не осталось, а наука сравнительной мифологии решила, что «божественное предание о Трое», как и сказание об осаде Кадмийских Фив, – всего лишь вариация на тему бессмертного предания о том, как сияющие силы небес день за днем штурмуют чертоги небосвода. Первая часть «Истории» Грота – конец и вершина этого периода деструктивной критики. Великий историк доказывает, что у нас нет никаких источников, восходящих к героической эпохе Греции; между ней и эпохой письменности лежит глубокая, ничем не заполненная пропасть, и легенды, которые рационалисты-летописцы превратили в историю, нельзя отличить от преданий о богах. На проверку оказалось, что наши данные по так называемому «героическому», или «доисторическому», периоду недостаточны. В мифах, которые рассказывали о древних героях, действительно могло содержаться какое-то зерно истины, однако сейчас обнаружить его мы уже не можем. С несокрушимой логикой нам указывали на то, что все части мифа тесно связаны и что мы не можем произвольно отделить и различить одну от другой.

Такая разрушительная работа неминуемо предшествует работе восстановительной. Лишь когда мы отберем и оценим имеющиеся у нас источники, когда уберем с нашего пути все неверное и неопределенное, мы сможем расчистить почву для постройки здания истины из новых и лучших материалов. Хотя суждения Грота все еще определяют наши понятия о первобытной Греции, профессор Эрнст Курциус проницательным взглядом гения разглядел, что они еще не являются – и не могут быть – окончательными. Этнология Греции на заре письменной истории предполагает и этнологию героического века, и древние мифы не могли быть связаны с определенными событиями и локализованы в определенных регионах, если на то не было причин. Кир и Карл Великий стали героями эпоса лишь потому, что они прежде всего были героями в реальности. Однако профессор Эрнст Курциус увидел и многое другое. Открытия Ботты и Лэйарда в Ниневии и Ренана в Финикии показали ему, что зародыши искусства и, таким образом, культуры первобытной Греции должны были прийти с Востока. Забытые теории о связи Востока и Запада возродились, но уже в новой, научной форме, они были основаны уже не на диких фантазиях, а на прочных основаниях достоверных фактов. Курциус даже успел увидеть, что восточное влияние должно было проникать в Грецию двумя путями – не только через финикийцев, но и по горным дорогам Малой Азии.

Однако Курциус не мог доказать то, о чем он догадывался. Выводы Грота пока еще казались почти неоспоримыми, и ученые – антиковеды считали VI и VII века до н. э. каким-то мистическим периодом, за которым не было ни цивилизации, ни истории. Даже теперь мы все еще находимся под влиянием того духа скепсиса, который зародился от деструктивной критики последних пятидесяти лет. И естественно, сегодняшним ученым свойственно скорее «омолаживать», нежели удревять даты и датировать все как можно более поздним периодом. Современные ученые точно так же не хотят признавать древность цивилизации, как не хотел научный мир признавать и древность самого человека, когда ее впервые доказал Буше де Перт. Но сначала египтологи, а потом и те, кто расшифровывал памятники Ассирии и Вавилона, были вынуждены уступить суровой правде фактов. И здесь дело было сделано руками исследователя и археолога, и историю отдаленного прошлого буквально выкопали из земли, в которой она так долго была погребена.

Проблема, от которой в отчаянии отворачивались ученые Европы, была решена благодаря умению, энергии и упорству доктора Шлимана. В Трое, в Микенах, в Орхомене он открыл прошлое, которое уже в век Писистрата стало лишь туманным воспоминанием. Мы можем оценить цивилизацию и знания людей, которые обитали в этих древних городах, можем подержать в руках инструменты, которые они употребляли, и оружие, которым они

владели, начертить планы комнат домов, где они жили, восхититься той благочестивой заботой, с которой они обращались со своими мертвыми, и даже проследить границы их взаимодействия с другими народами и последовательные стадии культуры, через которые они прошли. Герои «Илиады» и «Одиссеи» стали для нас людьми из плоти и крови, мы можем видеть и их, и еще более древних героев почти в каждой грани их повседневной жизни и даже определить их характер и вместимость их черепов. Неудивительно, что столь чудесное открытие прошлого, в которое мы уже перестали верить, должно было пробудить множество споров, и оно совершило безмолвную революцию в наших представлениях о греческой истории. Неудивительно и то, что первооткрыватель, который столь грубо нарушил установившиеся предрассудки, встретился с бурей несогласия и возмущения, а то и с атаками исподтишка. Однако в этом случае новое было истинным, и по мере накопления фактов и проведения одних раскопок за другими буря постепенно улеглась, и за ней последовало живое признание и безусловное согласие. Сегодня ни один профессиональный археолог – специалист по Греции или Западной Европе – не сомневается в основных фактах, которые были установлены благодаря раскопкам доктора Шлимана, и мы уже никогда не вернемся к представлениям десятилетней давности.

На первый взгляд раскопки кажутся очень простым делом. Однако это совсем не так – если эти раскопки должны принести хоть какую-то пользу науке. Археолог должен знать, где и как копать; и прежде всего, он должен осознавать ценность своих находок. Разбитые черепки, которые невежда отбрасывает прочь, в глазах археолога зачастую – драгоценнейшие реликвии, завещанные нам прошлым. Чтобы преуспеть в археологии, необходимо сочетание различных качеств, которые крайне редко соединяются вместе. Именно этому сочетанию мы и обязаны обнаружением Трои и Микен и начавшимся вследствие этого возрождением древней истории. Энтузиазм и самоотверженный труд доктора Шлимана равны только его знанию древнегреческой литературы, способности свободно беседовать на языках своих рабочих, физической силе, которая позволила вынести пронизывающий ветер, ослепляющую пыль, скудную пищу и все прочие трудности, которые ему пришлось пережить, и прежде всего – духу ученого, который повел его в настоящее паломничество по музеям Европы, заставил искать помощи у археологов и архитекторов и принудил отказаться от своих излюбленных теорий, как только его привела к этому жизнь. И наконец, он получил свою награду. Мечта его детства сбылась: стало ясно как день, что если Троя греческой истории хоть как-нибудь существовала на земле, то это могло быть только на холме Гиссарлык.

Это, как он сам сказал нам, было высшей целью трудов всей его жизни. Однако, достигнув этой цели, он обогатил мир науки тем, что многие сочтут еще более важным. Он открыл новую эпоху в изучении классической древности, произвел настоящую революцию в наших понятиях о прошлом, дал импульс тем «исследованиям с лопатой», которые приносят столь чудесные плоды по всему Востоку, и нигде более, как в самой Греции. Свет разгорелся над вершинами Иды и осветил давно забытые века доисторической Эллады и Малой Азии. Теперь мы начинаем узнавать, как Греция получила свою силу и волю для той культурной миссии, благодаря которой ей до сих пор обязаны мы все, жители современного мира. Мы можем проникнуть в прошлое, о самом существовании которого забыла греческая традиция. Рядом с одним из нефритовых топоров, которые доктор Шлиман обнаружил в Гиссарлыке, сама «Илиада» – всего лишь вчерашний день. Он уносит нас в глубь веков, когда не было еще империй ассирийцев и хеттов и, может быть, даже арийские предки греков еще не добрались до своего нового дома на юге, но когда грубые племена эпохи неолита уже начали торговлю и обмен, а караваны путешественников везли драгоценные камни Кунылуна от одного конца Азии к другому. Исследованиям доктора Шлимана доисторическая археология обязана так же, как и греческая история, и наука о греческом искусстве.

Почему же примеру доктора Шлимана не следуют хотя бы некоторые из тех богатых людей, которыми полна Англия? Почему бы им не потратить на науку хоть малую часть того богатства, которое они расточают на разведение скаковых лошадей и содержание своих псарен? Правда, есть немногие, которые, как можно надеяться, станут подражать Шлиману в его великодушной расточительности и щедро одарят свою родину огромным и неоценимым запасом археологических сокровищ, на добывание которых ушли такие средства, готовы будут потратить на науку половину своего годового дохода. Но конечно, в Англии должны найтись еще по меньшей мере один или два человека, которые согласятся помочь в поиске корней нашей цивилизации и тем самым завоевать себе место в анналах благодарной науки. Действительно, доктор Шлиман создал себе имя, которое никогда не может быть забыто, даже когда то поколение восторженных слушателей, которые приветствовали его в университетах Германии или в старейшем университете нашего отечества, сойдет с лица земли.

Настоящую книгу можно считать приложением и дополнением к «Илиону». И Гиссарлык, и остальная Трояда уже систематически и тщательно раскопаны так, как прежде не была раскопана ни одна большая территория. Из этого очень важного уголка земли были выжаты буквально все доступные нам сведения о его прошлом. Доктор Шлиман изучил каждое древнее поселение Трояды и, с помощью двух профессиональных архитекторов, крайне тщательно осмотрел место, где стояла сама Троя. Результаты, которые в некоторой степени послужили добавлением и исправлением заключений, к которым он пришел в «Илионе», имеют высочайшую ценность для науки. Бунарбаши и Бали-Даг навсегда лишились права притязать на звание того места, где находился доисторический город. Доктор Шлиман доказал, что на Троянской равнине существует только два поселения помимо Гиссарлыка – холмы Ханай и Бесика. Нигде больше не были обнаружены предметы, которые на разумных основаниях можно отнести к более древнему периоду, чем тот, когда эолийские поселенцы начали стекаться на берега Азии. Однако обитатели первых двух доисторических городов на Гиссарлыке должны были с расовой точки зрения отличаться от тех, кто жил на Ханай-Тепе или на краю бухты Бесика. Керамика Гиссарлыка в корне отличается от той, что находят в других уголках Трояды. Однако все оказывается совсем по-другому, если мы переправимся в Европу и взглянем на так называемый курган Протесилая. Он, как открыл доктор Шлиман, был воздвигнут на месте очень древнего города, керамика и каменные фрагменты практически такие же, как и в самом нижнем слое Гиссарлыка. Вывод очевиден: первые обитатели Гиссарлыка, строители его первого города, должны были перебраться через Геллеспонт из Европы. Фактически основатели Трои должны были быть по происхождению фракийцами.

Это открытие лишь доказывает справедливость древнегреческих преданий, которые отбросила в сторону современная критика. Страбон давным-давно говорил, что фригийцы некогда переправились из Фракии в Мизию и здесь завладели городом Троей. Троянцев, как замечает доктор Карл Блинд, афинские трагики называют фригийцами, и само имя Гектора, «опоры» Илиона, как говорит Гесихий, является всего лишь переводом фригийского «Дарей». Фригийцев их лидийские соседи называли «бригами», или «свободными людьми», и, как уверяет нас Страбон¹, всем хорошо было известно, что это племя фракийское, и, как мы узнаем из Геродота, армяне позднейшей истории являются их ветвью².

Исследования последних нескольких лет исчерпывающе показывают, что древние историки говорили правду. Моя расшифровка клинописной надписи Вана доказывает, что еще в 640 году на Арарате или в Армении не было арийских поселенцев; страну продолжал населять, судя по всему, тот же самый народ, что обитает в современной Грузии, говоривший

¹ Страбон. VII. С. 295; X. С. 471. (Здесь и далее указываются страницы первого печатного издания Страбона (1587 г.); это обозначение сохранено в русском переводе Страбона наряду с более современной системой обозначения по главам, и поэтому мы сохраняем такие ссылки на Страбона и далее. – *Примеч. пер.*)

² Геродот. VII. 73; см. также: *Eustath. Ad Dionys. Perieg.* V. 694.

на языке, не связанном с языками арийской семьи^{3*}. Когда армяне-арийцы в конце концов добрались до своего нового дома, они, должно быть, пришли с запада, а не с востока. Среди сотен имен, относящихся к широкой области между Мидией и Галисом, которые встречаются в памятниках Ассирии, нет ни одного, которому можно было бы приписать ассирийское происхождение, и сравнительная филология теперь доказала, что современный армянский, как и скудные остатки древнего языка фригийцев, находится где-то посередине между греческим, с одной стороны, и балто-славянским – с другой. Таким образом, предки армян и фригийцев должны были некогда обитать в регионе, который с юга граничил с греками, а на севере – со славянами; другими словами, в той самой стране, которая была известна античной географии под именем Фракия.

Соответственно, благодаря открытиям доктора Шлимана, мы теперь знаем, кем первоначально были троянцы. Они были фракийскими европейцами и говорили на диалекте, который близко напоминал диалекты Фракии и Фригии. И поскольку этот диалект принадлежал к арийской семье языков, весьма возможно, что и те, кто говорил на нем, принадлежали к арийской расе. Если это так, то и мы, подобно грекам эпохи Агамемнона, можем назвать подданных Приама братьями по крови и языку.

Таким образом, древности, открытые доктором Шлиманом на месте Трои, представляют для нас двойной интерес. Они уводят нас в глубь веков, к позднему каменному веку арийской расы, к тому веку, память о котором сохранилась лишь на долговечных скрижалях языка и о котором молчат традиция и история. Они помогут разъяснить вопрос, который сейчас так занимает умы археологов и этнологов: считать ли людей позднего каменного века в Западной Европе арийцами или же лишь представителями тех рас, которые обитали в этой части земного шара до того, как сюда прибыли арийцы. Если предметы из камня и бронзы, глины и кости, обнаруженные в Гиссарлыке, соответствуют тем, что были найдены в Британии и Галлии, возникает обоснованное предположение, что и последние изготовлялись и использовались племенами арийской расы.

Однако открытия, которые проистекают из раскопок доктора Шлимана в 1882 году, на этом не кончаются. Он обнаружил, что второй доисторический город, а возможно, также и первый, не ограничивался, как раньше полагали, узкими пределами Гиссарлыка. Фактически Гиссарлык был всего лишь «Пергамом» или цитаделью, увенчанной шестью общественными зданиями, которые людям того времени должны были казаться большими и величественными. Под ними простирался нижний город, фундаменты которого теперь обнажились. Как и Пергам, он был окружен стеной, камни которой, как проницательно заметил доктор Шлиман, должны были быть теми самыми, которые, согласно Страбону, перенес митиленец Археанакт, построивший из них стены Сигея. Те, кто представляет себе размер и характер ранних поселений Леванта, глядя на город, который теперь открылся перед нашими глазами, сознают, что он обладал большим могуществом и властью. Теперь легко понять, почему в его руинах были найдены золотые сокровища и как здесь оказались предметы иностранного производства, такие как египетский фаянс и азиатская слоновая кость. Князь, дворец которого возвышался на цитадели Гиссарлыка, должен был быть могущественным властителем, господствовавшим над богатой троянской равниной и повелевавшим входом в Геллеспонт.

Можно ли назвать его царем Илиона? Лучший ответ на этот вопрос даст конечный результат раскопок 1882 года, которого я пока не касался. Более обширные раскопки и внимательное изучение архитектурных деталей города показали, что сожженный город был не третьим, как полагал доктор Шлиман в «Илионе», но вторым и что огромные массы руин и

³ * Современные лингвисты считают, что урартский язык, засвидетельствованный памятниками IX–VI вв. до н. э., относился к кавказской языковой семье. (Здесь и далее примеч. авт. обозначены цифрами, примеч. пер. – цифрами со звездочкой.)

щебня, которые лежат на фундаменте второго города, принадлежат ему, а не третьему городу. Более того, в жизни и истории этого второго города можно выделить два различных периода: более древний, когда впервые были воздвигнуты его стены и постройки, и более поздний, когда они были расширены и частично перестроены. Очевидно, что второй город должен был существовать довольно долго.

Сейчас невозможно говорить об этих фактах, не заметив, как они до странности совпадают с тем, что традиции и легенды говорят нам о граде Приама. Город, который обнаружил доктор Шлиман, существовал довольно долго, однажды его стены и здания перенесли капитальную перестройку; он был большим и богатым, с акрополем, господствовавшим над равниной, и был увенчан храмами и другими большими строениями; стены его были массивными и охранялись башнями; его правитель был могущественным князем, который должен был иметь в своем распоряжении близлежащие золотые рудники Астир и поддерживал связь с отдаленными племенами и по земле, и по морю; и главное, город этот погиб в пламени. Теперь обратимся к основным моментам греческой истории об Илионе. Здесь мы также слышим о городе, который уже был древним к началу Троянской войны; чьи стены и общественные здания некогда уже разрушались и впоследствии восстанавливались; который, как Гиссарлык, был большим и богатым, с величественной цитаделью, на которой возвышался царский дворец и храмы богов; он был окружен высокими стенами, увенчанными башнями; его царем был богатый и властный Приам, у которого повсюду были союзники; и в конце концов город этот был взят греческими захватчиками и сожжен дотла. Когда мы добавим к этому, что, как ныне доказано, Гиссарлык оказался единственным местом в Троаде, соответствующим гомеровской Трое, трудно противиться заключению, что доктор Шлиман действительно открыл Илион.

Однако, сказав это, мы не обязательно утверждаем тем самым, что все топографические детали, упомянутые в «Илиаде», могут быть обнаружены непосредственно вблизи от Гиссарлыка. Как заметил доктор Шлиман, «Гомер передает легенду о трагической судьбе Трои в таком виде, в котором получил ее от предшествующих бардов, облачая деяния легенды о войне и разрушении Трои в одежды своего собственного времени». Один якобы критик доктора Шлимана недавно открыл, что вся география «Илиады» эклектична и во всех своих деталях не соответствует ни одной местности на Троянской равнине. Однако это открытие уже не новое; об этом писал я сам четыре года назад в журнале «Академи», а также и доктор Шлиман в «Илионе», и его можно найти и у других, предшествовавших нам, авторов. Определяя, действительно ли второй доисторический город на Гиссарлыке является гомеровским Илионом, вряд ли необходимо согласовывать все топографические указания «Илиады» с его местоположением, а также согласовывать картину троянской цивилизации, данную нам в гомеровских поэмах, с той цивилизацией, которую фактически открыли нам раскопки доктора Шлимана.

Таким образом, Гиссарлык, или, как мы будем отныне называть его, Илион, должен был быть тем городом, осада и завоевание которого стали предметом греческого эпоса. Именно здесь нашли себе приют древние мифы, которые арийские барды рассказывали в давние дни; и эолийские поэты и рапсоды видели ту борьбу, которую их соотечественники вели против могучего властителя Илиона, повторяя в реальном мире ту войну, которую некогда вели боги и герои в сказочной стране легенд. Дату разрушения Трои определить не так легко. Второй город на Гиссарлыке принадлежит к доисторическому времени, а именно к тому, для которого не существует современных ему письменных документов. Он отмечен особым вида керамикой, использованием орудий из камня и бронзы и отсутствием таких свидетельств, как камни или надписи, которые характеризуют уже историческую эпоху. Над руинами второго города находятся остатки не менее чем четырех других доисторических поселений, от трех из которых остались следы строений, в то время как четвертый и последний представ-

лен только самым прочным и неразрушимым памятником – горами битых черепков. Над ними лежат остатки Илиона греческих и римских времен, древнейшие из которых представляют собой фрагменты расписной греческой терракоты, подобные тем, что мы находим в Микенах и Орхомене, и которые могут быть датированы VII веком до христианской эры. Это хорошо согласуется с эпохой, в которую, по словам Страбона, был основан эолийский Илион.

Действительно, четыре поселения, следовавшие одно за другим на холме Гиссарлык после падения Илиона, были едва ли более чем деревнями, в которых обитали грубые племена. Но сам тот факт, что они следовали одно за другим, свидетельствует о значительном промежутке времени. Чтобы собрался тот холм из почвы и щебня, на вершине которого греческие колонисты построили свой новый город, должно было пройти по меньшей мере два или три века. Даже массы черепков, которыми заполнена почва, должны были собираться долгое время, в то время как между упадком третьего города и рождением четвертого должно было пройти некоторое время.

Однако у нас есть и более достоверные сведения о том, к какой эпохе восходит Илион, – их дают нам предметы, обнаруженные в его руинах. Как я уже указывал пять лет назад⁴, среди них мы не находим никаких следов финикийской торговли в Эгейском море. Действительно, мы встречаем предметы из египетского фаянса и восточной слоновой кости, но их привез сюда кто-то другой, а не финикийцы. С ними не было найдено ничего, на чем лежал бы отпечаток ремесла, известного нам сегодня как финикийское. В этом отношении Гиссарлык резко отличается от Микен. Там мы можем обратить внимание на многочисленные предметы и даже керамику, которая указывает на финикийское искусство и общение с финикийцами. Илион должен был быть разрушен еще до того, как деловитые торговцы Ханаана стали посещать берега Троады, везя с собой предметы роскоши и влияние определенного стиля искусства. Это возвращает нас к XII веку до н. э., а может быть, и к еще более раннему периоду.

Однако не только финикийцы не оставили никакого следа на Гиссарлыке: влияние ассирийского искусства, которое начало распространяться по Западной Азии около 1200 года до н. э., также отсутствует. Среди множества предметов, которые открыл доктор Шлиман, нет ни одного, в котором можно было бы найти хоть малейшее свидетельство его ассирийского происхождения.

Тем не менее среди древностей Илиона есть много такого, что не является ни местным, ни европейским импортом. Исключая фаянс и слоновую кость, мы находим множество предметов, которые показывают влияние архаического вавилонского искусства, особым образом преобразованного. Теперь мы понимаем, что это означает. Племена, которых соседи звали хеттами, еще в древности из гор Каппадокии пришли в Северную Сирию и здесь создали могучую и обширную империю. Из столицы Каркемиша (теперь Джераблус на Евфрате)^{5*} выходили их армии, дабы на равных сражаться с воинами египетского фараона Сезостриса или нести имя и власть хеттов на самые берега Эгейского моря. Вырубленные в скале фигуры в ущелье Карабель близ Смирны, в которых Геродот видел трофеи Сезостриса, на самом деле являются памятниками завоеваний хеттов, и надписи, сопровождающие их, – иероглифы Каркемиша, а не Фив. Изображение на скале Сипила, которое, как утверждали гомеровские греки, показывает плачущую Ниобу, теперь оказывается изображением великой богини Каркемиша, а выгравированные рядом с ней картуши с надписями отчасти хеттскими и отчасти египетскими буквами показывают, что оно было вырублено во времена самого Рамсеса-Сезостриса. Теперь мы понимаем, как произошло, что, когда хетты в XIV веке до

⁴ Contemporary Review. December 1878.

⁵ * Хотя Каркемиш действительно был захвачен хеттами в XVI в. до н. э., называть его столицей хеттов неправильно.

н. э. сражались с египетским фараоном, они могли позвать к себе на помощь среди других своих подданных-союзников дарданцев, мизийцев и мэонийцев, в то время как веком позже место дарданцев было занято «теккри», или тевкрами. Империя, а вместе с ней искусство и культура хеттов уже простирались до самого Геллеспонта.

Хеттское искусство являлось модификацией архаического искусства Вавилона. Фактически эта особая форма раннего искусства, как уже давно известно, была характерна для Малой Азии. А вместе с этим искусством пришло и поклонение великой вавилонской богине в особом облике, который она приняла в Каркемише, а также учреждение вооруженных жриц – амазонок, как называли их греки, – которые служили богине, вооруженные щитом и копьем. Саму богиню изображали особым, весьма любопытным образом, который мы находим уже на цилиндрах раннеисторической Халдеи. Богиню показывали в фас, обнаженной; ее руки лежали на грудях, а лоно было отмечено треугольником, а также круглым выступом под двумя другими, которые символизировали груди. Иногда она была снабжена крыльями, однако эта модификация представляется сравнительно поздней.

Свинцовое изображение этой богини, точно повторявшее ее образ в архаическом вавилонском и хеттском искусстве и украшенное свастикой рУ, было обнаружено доктором Шлиманом в руинах Илиона, то есть второго доисторического города на холме Гиссарлык. Та же самая фигура с колечками по обеим сторонам головы, но с лоном, орнаментированным точками вместо свастики, была вырезана на куске серпентина, недавно найденном в Мэонии и опубликованном г-ном Соломоном Рейнахом в *Revue Archeologique*. Здесь рядом с богиней стоит вавилонский Бел, и среди окружающих их вавилонских символов мы видим изображение одной из тех самых терракотовых «завитушек», большое количество которых было найдено доктором Шлиманом в Трое. Не нужно искать лучшего доказательства его гипотезы, согласно которой это были votivные приношения верховной богине Илиона. Г-н Рэмзи обнаружил в Кайсарии (Каппадокия) подобную же «завитушку», а также глиняные таблички, исписанные нерасшифрованной каппадокийской клинописью. Как показал доктор Шлиман в «Илионе», местным именем троянской богини, которую греки отождествляли со своей Афиной, было Атэ, а великая богиня Каркемиша именовалась Ати⁶.

«Совиноголовые» вазы также показывают, в слегка измененной форме, образ того же божества. Своеобразное лицо, а также три выступа под ним, расставленные в форме перевернутого треугольника, обычны в изображениях богини на цилиндрах первобытной Халдеи, в то время как крылья, являющиеся отличительной чертой этих vaz, находят себе параллели не только в гравированных камнях Вавилонии, но и в протянутых руках микенской богини. Более того, грубые идолы, которых так много обнаружил доктор Шлиман в Гиссарлыке, принадлежат к тому же типу, что и священные вазы, однако на них иногда изображены колечки богини, в то время как крылья по бокам отсутствуют. Эти идолы вновь появляются в несколько более развитой форме в Микенах, а также на Кипре и в других центрах архаической греческой цивилизации, где они свидетельствуют о гуманизирующем влиянии, которое распространилось по всему греческому миру от берегов Малой Азии. Благодаря открытиям доктора Шлимана теперь мы можем проследить художественный тип древней халдейской богини так, как он перешел от Вавилонии в Каркемиш и оттуда – в Троаду к самому Пелопоннесу.

Как и следовало ожидать, тот же тип встречается и на своеобразных цилиндрах, которые мы находим на Кипре, на южном берегу Малой Азии и вблизи Алеппо и Каркемиша и которые, как я показал в другом месте, имеют хеттское происхождение⁷.

⁶ См. мою статью «О памятниках хеттов» (*Hittite Monuments of the Hittites // Transactions of the Society of Biblical Archaeology*. VII. 2. P. 259).

⁷ *Academy*. November 27. 1881 (P. 384); см. также: *Cesnola's Salamina*. P. 118 sq.; *Lenormant Fr. // Journal des Savants*. June 1883; *Gazette et archeologique*. VIII. 5—6в (1883). Изображения на резных камнях относятся к хеттскому типу, который

Здесь он нередко сочетается с символом бычьей головы, подобным тому, что так часто встречается в Микенах, где он постоянно ассоциируется с двойным топором, хорошо известной особенностью азиатского искусства. Подобный топор из зеленого нефрита был обнаружен на месте древнего Герейона близ Микен вместе с ногой небольшой статуи, в руке которой он, очевидно, некогда находился. Нога обута в туфлю с загнутым носком – теперь известно, что это отличительный признак хеттской и азиатской скульптуры. Двойной топор также изображен на знаменитом камне кольца, найденного доктором Шлиманом в Микенах: фигуры под ним обуты в сапожки с загнутыми носами и носят развевающиеся одеяния вавилонских жрецов. Весь рисунок на камне явно скопирован с азиатских вариаций какого-то раннего вавилонского цилиндра⁸.

Фактически присутствие небольших каменных цилиндров везде, где они встречаются, неоспоримо указывает на влияние первобытной Халдеи. Когда Ассирия и Финикия заняли, как цивилизующие державы, в Западной Азии место Вавилонии, цилиндры уступили место двояковыпуклым или конусообразным печатям. Поэтому обнаружение цилиндров в Илионе – еще одно доказательство того, к какому именно времени относятся доисторические руины Гиссарлыка, а также с какой именно чужеземной культурой были связаны его обитатели. Цилиндр, который фигурирует в «Илионе» на рис. 1522, особенно важен для археологов. Его орнаментация соответствует тому классу цилиндров, который сегодня мы можем обозначить как хеттские, и, сочетая египетский картуш с вавилонской формой печати, он выказывает ту же самую художественную тенденцию, что проявляется в несомненно хеттских работах. Картуш той же своеобразной формы выгравирован на медном кольце, которое недавно было обнаружено доктором Максом Онефалып-Рихтером на Кипре. Здесь внутренность картуша заполнена примитивным изображением троянской богини – такой, какой ее показывают идолы Гиссарлыка, за единственным исключением: кипрский художник снабдил ее крыльями, подобными тем, что мы видим на вазах с совиными головами. В случае с цилиндром из Гиссарлыка, с другой стороны, внутри картуша нарисована фигура, которая любопытным образом напоминает схематично нарисованного скарабея или жука на хеттской печати, которая ныне находится во владении г-на Р.П. Грега. Цветок, изображенный рядом с картушем, можно сравнить с цветком на микенской печати, о котором я уже упоминал раньше, а также с другими на кипрских цилиндрах хеттского типа. Я уже упоминал о том, что так называемая свастика начертана на лоне свинцовой фигурки азиатской богини, найденной среди руин Илиона. Судя по всему, это говорит о том, что таинственный символ имеет хеттское происхождение, по крайней мере в том, что касается его использования в Илионе. То, что это действительно было так, доказывает открытие, сделанное в прошлом году г-ном У.М. Рэмзи в Ибризе, или Ивресе, в Ликаонии. Здесь на скале изображен царь, поклоняющийся богу Сандону, – в характерном стиле хеттского искусства и в сопровож-

основывается на архаических вавилонских образцах, и нужно внимательно отличать его от того типа грубых изображений на геммах, которые иногда встречаются в Тире, Сидоне и других местах по сирийскому побережью, а также от так называемых двояковыпуклых гемм, которые в большом количестве можно найти на доисторических поселениях на Крите, Пелопоннесе и на островах Эгейского моря. Происхождение последних разясняется с помощью печати из горного хрусталя, обнаруженной близ Бейрута и теперь находящейся в коллекции г-на Р.П. Грега: на ней нанесен тот же самый рисунок, что и на двояковыпуклой гемме из Микен, которая фигурирует в «Микенах» на рис. 175. Этот факт опровергает теорию, столь тщательно разработанную у Мильххефера в «Начале искусства в Греции». Искусство двояковыпуклых гемм должно быть финикийского происхождения. Однако только будущие исследования могут решить, не обязано ли оно было в конечном счете своим возникновением хеттам в то время, когда они граничили с Финикией. Некоторые изображения на геммах, судя по всему, явно отражают предметы аккадской или архаической вавилонской мифологии, однако это может быть обусловлено и прямым влиянием Вавилона, поскольку Саргон I из Аккад (который правил, как показали недавние исследования, еще в 3750 г. до н. э.) не только установил памятник своим победам на побережье Средиземного моря, но даже переправлялся на Кипр. Грубо обработанные камни Сирии, о которых я упоминал выше, могли быть работой того же самого местного населения, как и то, что вырубил любопытные скульптуры в Вади-эль-Хаккаб и Канах близ Тира.

⁸ Schliemann. Mycenae. № 530. См. также: Academy. Aug. 25. 1883. P. 135.

дении хеттских надписей. Его одеяния богато орнаментированы, и по ним идет длинный ряд троянских свастики. Хорошо известно, что тот же символ встречается и на архаической керамике Кипра, где он, судя по всему, первоначально изображал летящую птицу, а также на доисторических древностях Афин и Микен, однако в Вавилонии, Ассирии, Финикии и Египте он был совершенно неизвестен. Таким образом, свастика должна была зародиться в Европе и распространиться на восток через Малую Азию или же на запад из первоначальной родины хеттов. Последняя возможность более вероятна, но так это или нет, присутствие этого символа на Эгейской земле указывает на определенную эпоху и на влияние дофиникийской культуры.

Можно было ожидать, что в золотых изделиях Илиона будут видны некоторые следы влияния иностранного искусства, от которого в конечном счете ведут свое начало идолы и цилиндры. И я считаю, что это именно так. Орнамент на золотом навершии посоха, приведенном в этом томе на рис. 38, в точности напоминает орнамент солярного диска на упомянутой мною выше мэонийской пластинке из серпентина. Таким же образом солнечный диск изображен на гематитовом цилиндре из Каппадокии, который теперь находится в моем владении; можно проследить путь этого орнамента в глубь времен через хеттские монументы к ранним цилиндрам Халдеи. Однако в Микенах мы тщетно будем искать эту, казалось бы, столь простую вещь: единственные найденные здесь орнаменты, которые можно связать с этим, – это сложные узоры, воспроизведенные в «Микенах» доктора Шлимана на рис. 417 и 419. Здесь древний азиатский узор служит вспомогательным орнаментом при финикийском орнаменте из морских раковин.

Предшествующие соображения достаточно точно устанавливают самый поздний период, к которому мы можем отнести падение второго доисторического города на Гиссарлыке. Оно не могло случиться позднее чем в X веке до начала христианской эры; и скорее всего – не позднее XII. Еще до X века до н. э. финикийцы основали процветающие колонии на Фере и Мелосе и начали разрабатывать рудники Фасоса; таким образом, невероятно, чтобы Трояда и находившийся там крупный город остались им неизвестны. Дата разрушения Трои у Эратосфена – 1183 год до н. э. – хотя и основана на данных, которые мы не можем принять, но в то же время великолепно согласуется с археологическими указаниями, которыми снабдили нас раскопки доктора Шлимана, а также свидетельства египетских документов.

Однако мне лично трудно поверить, что это могло случиться раньше. Надписи, о которых я говорил в третьем приложении к «Илиону», делают эту гипотезу невероятной. Я показал, что так называемый «кипрский силлабарий» является всего лишь ветвью системы письма, которая некогда использовалась в большей части Малой Азии до введения финикийско-греческого алфавита, которую я, соответственно, предложил называть «азианическим силлабарием». Палеографический гений Ленормана и Дееке уже позволил им понять, что многие местные алфавиты Малой Азии содержали кипрские буквы, добавленные, чтобы выражать звуки, для которых не было букв в финикийском алфавите; однако теория доктора Дееке относительно происхождения и возраста кипрского силлабария помешала ему уяснить полное значение этого факта. И мне пришлось указать, что, во-первых, этих букв было гораздо больше, чем первоначально предполагали; во-вторых, многие из них были не модификациями, а параллельными формами соответствующих кипрских букв, и, в-третьих, они представляли собой пережитки более древнего способа письма, который заменил финикийско-греческий алфавит. Я также указал – идя здесь по следам Хауга и Гомперца, – что по меньшей мере на трех предметах, найденных доктором Шлиманом на Гиссарлыке, а возможно, также и на других, были обнаружены буквы, относящиеся фактически не к кипрской разновидности азианического силлабария, а к тому, что можно назвать ее троянской разновидностью. До сих пор факты и указания совершенно ясны.

Однако затем я испытал искушение пойти дальше и предположить, что сами истоки азиатического силлабария следует искать в хеттской иероглифике. С тех пор как было опубликовано приложение, эта последняя моя гипотеза получила поразительное подтверждение. Полтора года назад я представил в Обществе библейской археологии доклад, в котором с помощью двуязычной надписи попытался определить значение некоторых хеттских знаков. Среди них было восемь таких, которые – если мой метод расшифровки справедлив – обозначали или гласные, или одиночные согласные, за каждой из которых следовала одна гласная. Несколько месяцев спустя по совету доктора Исаака Тейлора я сравнил формы этих восьми знаков с формами тех букв кипрского силлабария, которые означали то же самое. Результат самым неожиданным образом подтвердил мои заключения: в каждом случае форма оказалась практически идентичной. Те, кто желает убедиться в правоте моих утверждений, могут сделать это, сверившись с недавно опубликованной работой доктора Исаака Тейлора «Алфавит», где соответствующие хеттские знаки показаны бок о бок (*Taylor I. The Alphabet. Vol. 2. P. 123*)⁹.

Итак, если хеттские иероглифы окончательно можно считать источником азиатического силлабария, то очевидно, что лидийцы или троянцы могли начать использовать его, лишь когда прошло некоторое время после того, как завоеватели из Каркемиша вырезали свои надписи на скале Сипила и на утесах Карабеля. Картуш Рамсеса II, недавно обнаруженный доктором Голлобом около так называемого изображения «Ниобы», а также тот факт, что эта последняя является очевидным подражанием сидящей фигуре Нефертари, супруги Рамсеса II, изображенной на скале близ Абу-Симбела, говорит о том, что этот период относится к XIV веку до н. э. Должно быть, между этой датой и временем, когда были созданы надписи из Гиссарлыка, прошло по меньшей мере столетие.

Я мало что могу добавить или изменить в приложении к «Илиону», где речь шла о троянских надписях. Однако прочтение надписи на терракотовой печати, воспроизведенной на рис. 1519, 1520 «Илиона», теперь стало достоверным благодаря двум глубоко вырезанным и большим по размеру надписям на терракотовых гирях, находящихся сейчас во владении г-на Р.П. Грега и происходящих якобы из Гиссарлыка. Знаки, во всяком случае, напоминают надписи из Гиссарлыка, и перед тем, как гири попали в руки г-на Грега, были не видны из-за грязи. Они устанавливают, что надписи на печати следует читать как E-si-re или Re-si-e; возможно, это имя первоначального владельца. Кроме того, слово на патере, найденной в некрополе Фимбрии, которое я предположительно прочел как Levon или Revon, доктор Дееке теперь читает как pstco – несомненно, правильно.

Я больше не склонен причислять алфавит Каппадокии к тем, что сохранили некоторые знаки старого азиатического словаря. Г-н Рэмзи скопировал надпись в Эйюке, которая вполне доказывает, что надпись, приведенная у Гамильтона, плохо скопирована и что те знаки в ней, которые напоминают буквы кипрского силлабария, возможно, отсутствовали в оригинальном тексте. Фактически надпись г-на Рэмзи показывает, что каппадокийский алфавит – это то же, что и фригийский, и что оба происходят, как он указывает, от раннего ионийского алфавита VIII века до н. э., использовавшегося торговцами Синопа. Поскольку у меня теперь появились сомнения и относительно киликийского алфавита, то число алфавитов Малой Азии, которые, несомненно, содержат знаки азиатического силлабария, ограничивается алфавитами Памфилии, Ликийи, Карики, Лидии и Мизии. Заметим, что они образуют неразрывную цепь вокруг западных и юго-западных берегов Малой Азии и что дальше эта цепь продолжается на Кипре. Карикийский алфавит, хотя в основном еще и не дешифро-

⁹ Мне особенно приятно было узнать, что доктор Дееке в своей последней работе о кипрских надписях (*Deecke. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Collitz. V. I. S. 12*) отказался от своей теории о клинописном происхождении кипрского письма в пользу моей, хеттской.

ванный, был определен с большой точностью в ходе последних двух или трех лет последовательных открытий новых надписей, и недавно я сам сделал в связи с этим открытие, которое может привести к интересным результатам. В Северном Египте обнаруживается особенный тип скарабеев, на которых схематично вырезаны некоторые любопытные знаки, которые весьма и весьма напоминают фигуры на некоторых гиссарлыкских «завитушках». Это «искусство» (если его вообще можно назвать искусством) в корне отличается от «хеттских» цилиндров Кипра или от очень грубых печатей, которые находят на побережье Сирии и даже далеко к западу, в лидийском слое Сард. На одном таком скарабее из коллекции г-на Грега я нашел длинную надпись четко вырезанными карийскими буквами, и осмотр другого скарабея того же типа позволил определить еще несколько знаков, часто встречающихся в карийских текстах. Таким образом, наконец хоть что-то теперь известно о местном искусстве юго-западного уголка Малой Азии, и сравнение его с резьбой на троянских «завитушках» может впоследствии помочь нам лучше различать европейские, хеттские и местные азиатические элементы в искусстве и культуре Илиона.

Один из наиболее любопытных фактов, проясненных раскопками доктора Шлимана, — это то, что даже разрушение второго города не принесло с собой разрыв в континуитете религии и искусства среди последующих поселенцев на Гиссарлыке. Идолы и вазы с совиными головами, а также «завитушки», продолжали изготавливаться и использоваться обитателями третьего, четвертого и пятого поселения. Даже если отбросить геологические данные, очевидно, что это место и не могло долго оставаться заброшенным. Его окружала аура древних традиций, и, хотя сюда приходили новые люди, среди населения должны быть и какие-то наследники прежних жителей. Даже оратор в пылу красноречия мог назвать «необитаемым» лишь нижний город, а не сам Пергам. Мы видим первый пробел, лишь когда подходим к тому слою, который доктор Шлиман назвал «лидийским». Второй и более важный пробел — это греческий город.

Сам греческий город прошел не одну стадию роста и упадка. В нижней части его руин, которая лежит не более чем на шесть футов ниже, чем теперешняя верхняя поверхность холма (за исключением, конечно, его боков), мы находим ту архаическую эллинистическую керамику, которая всегда отмечает местоположение раннего греческого города. С ней смешана керамика другого вида, судя по всему, местного производства, которая, однако, не может быть датирована раньше чем IX век до н. э. В то время, когда использовалась эта керамика, эолийский Илион, как и четыре предшествовавшие ему деревни, все еще ограничивался старым Пергамом. Те, кто посещал места, где некогда находились ранние греческие города Малой Азии, легко поймет, что так это и должно было быть. Эолийских колонистов Гиссарлыка было немного, как и эолийцев старой Смирны или Ким, ресурсы, находившиеся в их распоряжении, были скудными; они жили среди враждебного населения или могли опасаться нападений пиратов с моря. Поэтому они выбирали на местности самый изолированный холм, который легко было защищать, и там селились. Однако эта вершина, как и в других случаях, всегда была близко к морю. Когда армии Ксеркса проходили через Троаду, эолийский город, судя по всему, еще не распространился на лежавшую ниже равнину. Давно заброшенный нижний город доисторического Илиона снова был застроен лишь в македонскую эпоху.

В адрес доктора Шлимана выдвигались какие-то туманные обвинения в том, что он якобы затемняет факты своими теориями: публику предупреждали, что нужно-де строго различать теории, которые выдвигает Шлиман, и факты, которые он открыл. В действительности винить в придумывании не подкрепленных фактами теорий нужно не доктора Шлимана, а самих критиков. По сравнению с большинством исследователей он поразительным образом свободен от распространенной ошибки — поспешных обобщений, или, что гораздо хуже, подгонки фактов к заранее заготовленным теориям. Восхищение поэмами Гомера и расту-

щее убеждение в том, что если гомеровская Троя когда-либо существовала, то это могло быть только на Гиссарлыке, едва ли можно назвать «теориями». Его работы по большей части – это фиксация фактов, которые связаны друг с другом с помощью тех индуктивных выводов, которые обязывают нас делать научный метод современной археологии. И наш археолог, с его истинно научным духом, никогда не останавливался перед тем, чтобы вносить изменения в эти выводы каждый раз, когда представлялось, что этого требует открытие новых фактов. В то же самое время он полностью и честно предоставлял нам сами факты, так что читатели всегда сами могли убедиться в достоверности выводов, которые он делал на их основании. Запретить исследователю делать любые предположения, которые поддерживаются лишь возможными или вероятными данными, – значит лишать его привилегии, которая есть и у самих его критиков, и у любого настоящего ученого. Однако такие предположения у него очень редки, и сам тот факт, что о них так много говорят, заставляет меня подозревать, что у критиков нет тех археологических знаний, которые позволили бы им отличить возможную или вероятную теорию от вывода, обусловленного фактами. Особая керамика, найденная непосредственно под греческим слоем, доказывает археологу более убедительно, нежели любые архитектурные остатки, что между пятым поселением и греческим городом некогда существовало отдельное, независимое поселение, точно так же как предметы, найденные на равнине под городом, доказывают, что греческий город должен был некогда доходить до этих мест, хотя стены, которыми он был окружен, ныне полностью исчезли. С другой стороны, теория, согласно которой это поселение было основано лидийцами, – всего лишь теория, которую и сам доктор Шлиман выражает со всеми необходимыми оговорками.

Один из наиболее огорчительных признаков распространенного в нашей стране невежества в области доисторической археологии и археологии Леванта – это критические замечания по поводу «Илиона» в респектабельных английских изданиях. Только в Англии иные известные авторы могут позволять себе бросаться голословными суждениями и предлагать свои собственные теории по археологическим вопросам, даже не потрудившись ознакомиться с элементарными основами того предмета, о котором они берутся разглагольствовать. Что же можно сказать о критике, который даже не знает разницы между доисторической и эллинской керамикой, с одной стороны, или архаической и классической греческой керамикой – с другой и при этом еще и прикрывает свое незнание ошибочными цитатами из известного французского археолога, который специально занимается ранней керамикой Леванта? Английская публика, конечно, готова подумать, что у человека, который имеет репутацию большого ученого, есть полное право выражать свое мнение буквально обо всем на свете. На самом же деле он, не имея необходимой предварительной подготовки, знает об этих делах столько же, сколько и сама публика, и его писания на эту тему – не что иное, как новая форма шарлатанства. Способность переводить с древнегреческого и латинского или сочинять греческие и латинские стихи отнюдь не помогает ученому решать археологические проблемы – не больше, чем это помогло бы ему переводить гимны «Ригведы» или расшифровывать клинопись. В последнее время по поводу открытий доктора Шлимана в Гиссарлыке выдвигались теории, которые делает серьезными только солидность тех печатных органов, где они появились. Иные не моргнув глазом утверждали, что пятый слой руин представляет македонский Илион, который был разрушен Лисимахом около 300 года до н. э., а затем захвачен Фимбрией в 85 году до н. э., в то время как четвертый город посещал

Ксеркс, а третий город – это древнее эолийское поселение. Читатель, даже не претендующий на знание археологии, должен лишь просмотреть гравюры, столь щедро рассыпанные по страницам «Илиона», чтобы самостоятельно оценить ценность подобных гипотез или археологических знаний, которые лежат за ними. Керамика, терракотовые «завитушки», идола, орудия и оружие из камня и кости, обнаруженные в доисторических слоях Гиссарлыка, – все это никогда не находили и вряд ли найдут в каком-либо греческом городе, пусть

даже и доисторическом. Мы тщетно будем искать их в Микенах, Орхомене, Тиринфе или в ранних гробницах Спарты и Мениди, Родоса и Кипра. С другой стороны, отличительные черты греческой повседневной жизни также отсутствуют: нет ни монет, ни ламп, ни алфавитных надписей, ни орнаментов классической эпохи; нет эллинской керамики, будь она архаической или более поздней. Теперь мы вполне точно знаем, каковы были предметы, которые оставляли после себя греки и их соседи на Леванте в течение шести веков, предшествовавших началу христианской эры; и – в частности, благодаря трудам доктора Шлимана – мы даже можем проследить искусство и культуру этого периода далее, в глубь времен, к периоду, который впервые был открыт для нас раскопками в Микенах. Сейчас, когда археология стала наукой и ее фундаментальные факты уже нашли прочную основу, слишком поздно возвращаться к дилетантскому антикварианизму пятидесятилетней давности. Тогда действительно было возможно выдвигать теории, которые были плодом воображения не ученого, но литератора, и строить дома из соломы на фундаменте из зыбкого песка. Однако время подобных забав давно ушло; изучение отдаленного прошлого перешло из области литературы в область науки, и те, кто занимается этой наукой, должны вооружиться научным методом и научным духом, должны погрузиться в скучную и монотонную предварительную подготовку и должны уметь сочетать труды таких людей, как Эванс и Леббок или Вирхов и Роллестон, с результатами, которые год за годом поступают к нам с Востока. Искать македонский город в пятом доисторическом поселении Гиссарлыка – это все равно что искать кладбище елизаветинских времен среди курганов долины Солсбери: археолог может взглянуть на такой парадокс лишь с улыбкой.

Э.Г. Сэйс

Оксфорд, октябрь 1883 г.

Глава I

Рассказ об исследованиях Трои и Трояды в 1882 году

Ее императорскому и королевскому высочеству ВИКТОРИИ, кронпринцессе Германской империи, кронпринцессе Пруссии, принцессе-цесаревне Великобритании и Ирландии, герцогине Саксонской, светлейшей покровительнице наук и искусств, посвящает эту книгу с глубочайшим почтением.

Автор

Место на карте – это фрагмент истины, оставленный давно минувшими событиями. Нередко оно подобно ископаемой кости, по которой можно восстановить скелет прошлого, и картина, которую История передает нам лишь в неясных контурах, ярко выступает перед нами.

Мольтке. Книга странствий

Мне казалось, что мои раскопки на холме Гиссарлык в 1879 году вместе с профессором Рудольфом Вирховом из Берлина и г-ном Эмилем Бюрнуфом из Парижа навсегда решили троянский вопрос. Я думал, что доказал, что тот маленький город, третий по счету от материка, основания домов которого я обнаружил на глубине в среднем 7–8 метров под руинами четырех более поздних городов, которые в ходе веков следовали один за другим на том же самом месте, и должен быть Илионом из легенды, который обессмертил Гомер, и я поддерживал эту теорию в своей книге «Илион», которую опубликовал в конце 1880 года. Однако после этой публикации у меня возникли сомнения – не относительно положения Трои, поскольку я был уверен, что она находилась именно на Гиссарлыке, – относительно размеров города, и со временем мои сомнения усилились. Вскоре я уже больше не мог верить в то, что божественный поэт, который с правдивостью очевидца, оставаясь верным природе, начертил не только равнину Трои с ее мысами, реками и могилами героев, но и всей Трояды с ее многочисленными народами и городами, с Геллеспонтом, мысом Лект, Идой, Самофракией, Имбросом, Лесбосом и Тенедосом, а также весь могучий ландшафт страны, – что тот самый поэт мог изображать Илион великим¹⁰, веселым¹¹, процветающим и многонаселенным¹², хорошо застроенным¹³ городом с большими улицами¹⁴, если в действительности это был всего лишь небольшой городок – столь небольшой, что даже если предполагать, что его дома, которые, судя по всему, были построены как современные деревенские дома Трояды (и, как и они, были всего лишь одноэтажными), могли достигать шести этажей, то все равно здесь не могли обитать 3000 человек. Если бы Троя действительно была всего лишь маленьким укрепленным местечком, таким, как показывают нам руины третьего города, несколько сот человек легко могли бы взять ее за несколько дней, и вся Троянская война с ее десятилетней осадой должна быть или полной выдумкой, или иметь лишь слабое основание в дей-

¹⁰ «В Приамовом граде великом». (Iliada. II. 332, 803; здесь и далее цитаты из «Илиады» приводятся в переводе Н. Гнедича.)

¹¹ «В веселую Трою». Там же. V. 210.

¹² «Град, устроением пышный». Там же. XIII. 380.

¹³ «Высокотвердынную Трою Приама». Там же. XXI. 433.

¹⁴ «Трои с широкими стогнами града». Там же. II. 141.

ствительности. Я не мог принять ни одну из этих гипотез, ибо я считал невозможным, что в то время как на берегах Азии было столько больших городов, катастрофа, произошедшая с маленьким городком, могла так подействовать на воображение бардов, что легенда об этом событии могла пережить века и дойти до Гомера, который увеличил ее до гигантских размеров и сделал предметом своих божественных поэм.

Кроме того, все предания древности о Троянской войне были единодушны, и это единодушие слишком характерно, чтобы не быть основанным на базе позитивных фактов, которые столь высокий авторитет, как Фукидид¹⁵, считает реальной историей. Традиция была единодушна даже в утверждении, что взятие Трои произошло за восемьдесят лет до дорийского вторжения на Пелопоннес. Более того, как я уже упоминал в «Илионе» (см.: Илион. Т. 1. С. 194), египетские документы дают нам исторические данные, по которым Илион и царство Троя должны были существовать в действительности: ведь и в поэме Пентаура, и в иератическом папирусе Салье, хранящемся в Британском музее, среди союзников, которые пришли на помощь хеттам (или «хита») под стенами Кадета на Оронте в пятый год царствования Рамсеса II (ок. 1333–1300 до н. э.)^{16*}, упоминаются дарданы, или данданы (дарданцы), и народ Илуны (Илион)¹⁷, а также «лику» (ликийцы) и народ Пидасы (Педас), Керкеш или Гергеш (гергитяне), «масу» (мизийцы) и «акерит» (карийцы)¹⁸. Еще больше меня поразило то, что именно эти народы упоминаются во второй книге «Илиады» как помощники троянцев в обороне города. Таким образом, можно считать установленным фактом, что в Троаде, возможно в XIV веке до н. э., существовало царство дарданов, один из главных городов которого именовался Илионом; это царство считалось одним из наиболее могущественных в Малой Азии и посылало своих воинов в Сирию, чтобы они сражались там с египетскими войсками, защищая Азию. Это прекрасно согласуется и с Гомером: фактически вся греческая традиция говорит о могуществе Трои. Кроме того, профессор Генрих Бругш-паша говорит о том¹⁹, что в настенных росписях и надписях на пилоне храма Мединет-Абу в Фивах можно видеть две группы из тридцати девяти народов, стран и городов, которые объединились в конфедерацию против Рамсеса III (ок. 1200 до н. э.), вторглись в Египет и были побеждены этим фараоном. В первой группе фигурируют народы под названием «пуросата» или «пулосата» (пеласги – филистимляне!), «текри», «теккари» (тевкры)²⁰ и «данау» (данайцы?). Во второй группе профессор находит имена, представляющие для нас особый интерес: «Аси», что напоминает о названии Асса, мизийского города в Троаде, или же Исса, древнего имени Лесбоса, который также относился к Троаде, или Исса в Киликии; Керена, или Келена, видимо, тождественная троянской Колоне; «У-лу», который также напоминает Илион и, видимо, тождественно с ним; «Кану», возможно, Кавн в Карию; «Л(а)рес», Ларисса, что может оказаться троянским городом Ларисса, или

Лариса (но городов с таким названием было много); «Маулн» или Мулн, что напоминает киликийский Малл; «Атена» – возможно, Адана; и Каркамаш, который профессор

¹⁵ Фукидид. I. 10, 11.

¹⁶ По современным данным, Рамсес II царствовал в первой половине XIII в. до н. э., то есть чуть позже, чем сказано у Шлимана.

¹⁷ Профессор Генрих Бругш-паша в своем приложении к моему «Илиону» (с. 746, 747) признает идентичность дарданов с дарданцами или троянцами, лику – с ликийцами, Пидасы – с троянским городом Педас, Керкеша или Гергеша с гергитянами Троады, масу – с мизийцами, однако он скептически относится к отождествлению Илиона с Илуной (Илиуна, Ириуна), ибо считает, что последнее название нужно исправить на Мауна, Мавон – то есть меонийцев, или мзонийцев (древних лидийцев).

¹⁸ Франсуа Ленорман в журнале «Академи» за 21 и 28 марта 1874 г. утверждает, что «акерит», возможно, следует отождествлять с карийцами.

¹⁹ В своем приложении к «Илиону» (т. 2, с. 501–503).

²⁰ Профессор Бругш-паша не сомневается относительно тождественности текров, или теккаров, с тевкрами.

Бругш отождествляет с Корацезием (оба также в Киликии)²¹. Замечателен тот факт, к которому уже привлекал внимание г-н Франсуа Ленорман²², — что дарданцы, которые занимают такое видное место среди коалиции против Рамсеса II, не фигурируют в тех группах завоевателей, которые сражались чуть больше века спустя против Рамсеса III, и что на их месте появляются тевкры. Не могло ли это изменение в имени троянцев быть вызвано войной и падением Трои и уничтожением или рассеянием ее народа? Следует, однако, заметить, что Геродот всегда именует древних троянцев эпической поэзии «тевкрами», в то время как римский поэт использует названия «тевкры» и «троянцы» как синонимы.

Это всеобщее свидетельство могущества и величия Трои подкрепляется еще одним доказательством: теми десятью кладами золотых украшений, которые я обнаружил во время своих раскопок на Гиссарлыке, подтверждая тем самым эпитет *πολὺχρυσος* («многозлатная»), который Гомер дает Трое. Таким образом, я решил продолжить раскопки на Гиссарлыке еще в течение пяти месяцев, дабы разгадать эту загадку и окончательно решить важный троянский вопрос. Поскольку фирман, который я получил летом 1878 года с великодушной помощью моего досточтимого друга сэра Э.Г. Лэйарда, в то время английского посланника в Константинополе, уже закончился, летом 1881 года я прибег к его высочеству князю Бисмарку, и благодаря его благожелательному вмешательству в конце октября того же года я получил новый фирман, позволявший мне продолжать раскопки в Гиссарлыке и на месте нижнего города Илиона. В качестве дополнения к фирману он получил для меня позволение на несколько месяцев производить одновременно с исследованием Трои раскопки в любом другом месте Троады, в котором я пожелаю, при том условии, что они будут ограничиваться одним местом в один промежуток времени и будут производиться в присутствии турецкого представителя. Чтобы сохранить для науки любые сведения, которые можно было получить из древних архитектурных остатков, я принял на службу двух выдающихся архитекторов — доктора Вильгельма Дерифельда из Берлина, который в течение четырех лет заведовал технической частью раскопок Германской империи в Олимпии, и г-на Иозефа Хефлера из Вены. Оба они были лауреатами первых премий в своих академиях и получили государственные стипендии на научные поездки в Италию. Ежемесячная зарплата первого составляла 35 фунтов, второго — 15 фунтов плюс дорожные расходы. Я также нанял троих способных надсмотрщиков: двое из них были пелопоннесцами, которые уже работали и отличились в том же качестве на раскопках в Олимпии; один из них, Грегориос Базилопулос, уроженец Магулианы близ Гортинии, получил за свою троянскую кампанию прозвище Ила; другой, Георгиос Параскевопулос, уроженец Пиргоса, был окрещен Лаомедонтом. Великанский рост и геркулесова сила последнего очень пригодились мне: они внушали почтительный страх моим рабочим и заставляли их слепо повиноваться ему; каждый из рабочих получал 150 франков ежемесячно. В качестве третьего надсмотрщика я нанял г-на Гюстава Баттю, сына Баттю, покойного французского консула в Дарданеллах, с месячной зарплатой 300 франков. К счастью, в июне 1879 года я оставил в Гиссарлыке турецкого охранника, который следил за деревянными бараками и амбаром, в котором хранились все мои приспособления и инструменты для раскопок. Таким образом, я нашел все в полном порядке, и мне оставалось только покрыть свои домики новым непромокаемым войлоком. Поскольку все они стояли одним непрерывным рядом, велика была опасность пожара. Итак, я разделил их и поставил в разных местах, так что в случае, если бы один барак загорелся, огонь не дошел бы ни до одного из остальных даже при самом сильном ветре. В бараке, где жил я и мои слуги, было пять комнат, две из которых занял я; в другом было две, в третьем — три и в четвертом —

²¹ Профессор Сэйс напомнил мне, что другие египтологи отождествляют «Каркамаш» с Каркемишем, хеттской столицей на Евфрате.

²² Academy. 1874. March 21, 28.

четыре спальни. Таким образом, у нас было много места, и мы также могли с удобством разместить семерых гостей. Один барак, состоявший лишь из одной комнаты, служил нам обеденным залом, и мы называли его этим гордым именем, хотя на самом деле он был сколочен из грубых досок, в щели между которыми постоянно задувал ветер, так что нередко мы даже не могли зажечь лампу или свечу. Другой большой барак служил хранилищем древностей, которые надлежало разделить между Императорским музеем в Константинополе и мною. Мои досточтимые друзья, господа Д. Генри Шредер и компания в Лондоне, любезно прислали мне большой запас консервов: чикагскую солонину, персики, лучший английский сыр и говяжьи языки, а также 240 бутылок лучшего английского некрепкого эля²³. Мы всегда могли получить свежую баранину, и, поскольку троянское вино из деревень Ени-Шехр, Ени-Кей и Рен-Кей великолепно и превосходит даже лучшее бордоское вино, нам хватало хорошей еды; однако что касается овощей, мы могли достать только картофель и шпинат: первый не выращивают на всей Троянской равнине, и его приходилось возить из города Дарданеллы, куда его, видимо, импортируют из Италии. Кажется очень странным, что крестьяне Троады, как греки, так и турки, не едят картофель, хотя земля вполне годится для его выращивания, и используют вместо него хлеб. В июне и июле крестьяне снабжали нас большим количеством черной белены, фасоли и артишоков, которые, судя по всему, являются едва ли не единственными овощами, которые они выращивают, помимо шпината. Судя по всему, в Троаде не сажают зеленый горошек, поскольку я мог купить его только в июне и июле в Дарданеллах, куда его привозят по морю.

Я слышал, что эта страна буквально кишит мародерами и бандитами; кроме того, постоянные случаи разбоя в Македонии, когда разбойники похищали состоятельных людей и требовали за них большой выкуп, заставили меня бояться чего-то подобного и в Гиссарлыке. Следовательно, я потребовал, чтобы меня охраняли по меньшей мере одиннадцать жандармов. Во время раскопок на Гиссарлыке в 1878 и 1879 годах меня постоянно охраняли десять жандармов; но это все были беженцы из Болгарии и Албании, и я не мог довериться таким людям. Таким образом, я обратился к Гамиду-паше, гражданскому губернатору Дарданелл, с тем чтобы он предоставил мне одиннадцать самых надежных людей, каких только сможет найти, в качестве охраны. По его позволению их выбрал для меня среди самых сильных и надежных турок Дарданелл его первый драгоман и политический агент г-н Николаос Дидимос. Платил я им 30 фунтов 10 шиллингов в месяц. Так что теперь у меня было одиннадцать храбрых и сильных жандармов: все они были хорошо вооружены винтовками, пистолетами и кинжалами. Винтовки у них были не совсем последнего образца, поскольку по большей части у них был лишь кремневый замок; однако у некоторых имелись винтовки Минье, которые, как они похвалялись, им случалось использовать в Крымской войне. Однако все эти недостатки восполнялись храбростью моих людей, и я полностью доверял им, ибо был уверен, что они будут отважно защищать нас, даже если на наш лагерь нападет целый отряд бандитов. Их возглавлял капрал (по-турецки «чавуш»), который командовал другими десятью жандармами и назначал дневные и ночные дежурства. Трое из этих жандармов всегда сопровождали меня каждое утро перед восходом, когда я купался в Геллеспонте, на Каранлыке, на расстоянии четырех миль. Поскольку я всегда ехал рысцой, им приходилось бежать достаточно быстро, чтобы не отставать от меня. Таким образом, эти ежедневные пробежки были весьма утомительны для них, и я платил им дополнительно каждое утро по семь шиллингов. Кроме того, я использовал жандармов для того, чтобы они тщательно присматривали за моими рабочими в траншеях, и никогда не позволял производить раскопки без того,

²³ Я был единственным потребителем этих 240 бутылок слабого эля, которых хватило на пять месяцев и которые я использовал в качестве лекарства от запора, от которого страдал уже больше тридцати лет. Мне становилось только хуже от всех других лекарств, в особенности от минеральных вод Карлсбада, это лечение слабым элем оказалось в высшей степени эффективным.

чтобы за ними не наблюдал хотя бы один жандарм. Так я заставлял своих рабочих быть честными, поскольку они знали, что если их поймут на воровстве, то они попадут в тюрьму. Я разместил моих одиннадцать жандармов в большом деревянном бараке, покрытом непромокаемым войлоком, который я построил для них рядом с каменным домом, где находилась кухня и комната моего казначея, и таким образом, они размещались примерно в центре моего лагеря. Но так как среди них были постоянные раздоры, то некоторые предпочитали спать на открытом воздухе даже в самую холодную погоду, чем выносить общество своих товарищей.

В качестве мажордома и казначея я снова нанял Николаоса Зафироса Гианнакеса из деревни Рен-Кей, который служил мне в том же качестве во всех моих археологических кампаниях в Троаде с марта 1870 года. Увидев теперь, что мне без него не обойтись, он согласился работать на меня не меньше чем за 15 фунтов в месяц плюс питание; однако я с радостью согласился на эти условия, а также подарил ему при отъезде все свои бараки в Гиссарлыке, поскольку это абсолютно честный человек, и в качестве казначея и мажордома в большом лагере в диком месте или в исследовательских экспедициях ему нет равных. Однако заработная плата была наименьшей выгодой, которую он получал от меня, поскольку имел еще огромные доходы с магазина, который держал от его имени его брат и где он продавал моим рабочим в кредит хлеб, табак и бренди: эти долги он всегда вычитал у них при оплате в субботу вечером.

Я привез с собой из Афин великолепного слугу по имени Эдипус Пиромаллес, уроженца Занте, которому платил 2 фунта 16 шиллингов, а также кухарку по имени Иокаста, которая получала 1 фунт 12 шиллингов в месяц. У меня также был колесный мастер, который получал 9 фунтов в месяц, и плотник, который получал 4 фунта в месяц. Я привез с собой из Афин хорошего верхового коня, который прекрасно переносил все тяготы пятимесячной кампании, но в последнюю неделю не выдержал, так что мне пришлось оставить его там. Конюшни находились на южной стороне, напротив кладовой и каменной кухни.

Мои рабочие инструменты состояли из сорока железных ломов, некоторые из них 2, 25 метра в длину и 0,05 метра в диаметре²⁴, двух домкратов; сотни больших железных лопат и стольких же мотыг; пятидесяти больших тяпок (которые я здесь называю их турецким словом «чапа»), таких, которые используют в виноградниках и которые были мне очень полезны при насыпании щебня в корзины; лебедки; 100 тачек, большинство из них – с железными колесами; двадцати тележек, которые тащил один человек и двое подталкивали сзади, а также нескольких тележек, запряженных лошадьми. Поскольку я должен был снабжать своих рабочих хорошей питьевой водой, у меня был рабочий и мальчик, которые были заняты исключительно тем, что приносили воду из ближайшего источника²⁵ на расстоянии 365 метров от Гиссарлыка. Работа мальчика была наполнять бочонки; мужчина грузил два бочонка сразу на осла и вел его к траншеям или баракам; воды потребляли так много, что в жаркую погоду он едва успевал принести достаточно воды, хотя одновременно использовалось десять бочонков.

Экипировавшись и устроившись таким образом, я вновь начал раскопки 1 марта – со 150 рабочими, которых оставалось примерно столько же в ходе всех пяти месяцев троянской кампании 1882 года. Кроме того, я использовал большое количество бычьих упряжек и тележек. Ежедневная плата моим рабочим, которая сначала составляла 9 пиастров, или 1 шиллинг 7 пенсов, постепенно увеличивалась в ходе сезона и в горячие летние месяцы равнялась 11 и 12 пиастрам, то есть примерно 2 шиллингам. За телеги, запряженные быками и

²⁴ Обращаю внимание читателя на то, что я даю все меры согласно метрической системе. Английские соответствия можно найти в таблице, предшествующей данной работе. (В настоящем издании эта таблица опущена за ненадобностью. — Пер.)

²⁵ См.: Илион. Т. 1. С. 175.

лошадьми, я платил по одному пиастру, то есть $2\frac{1}{10}$ пенса за каждый груз. Работа регулярно начиналась на рассвете и продолжалась до заката. До 12 апреля никакого отдыха не позволялось, кроме одного часа на обед, однако, когда дни стали длиннее, после пасхальных праздников, я дал еще полчаса в 8.30 утра на завтрак: последний перерыв с 1 июня вырос до часа.

Поскольку работа с мотыгой – самая тяжелая, я всегда выбирал для нее самых сильных рабочих; остальные работали с тачками, ссыпали щебень в корзины, грузили телеги, везли или толкали тележки и сбрасывали мусор.

Рабочие были по большей части греки из близлежащих деревень Калифатли, Ени-Шехр и Рен-Кей; некоторые из них были с островов Имброс и Тенедос или с фракийского Херсонеса. Рабочих-турок у меня было в среднем только человек двадцать пять; и я был бы рад, если бы их было больше, ибо они работают гораздо лучше, чем азиатские греки, они честнее и, кроме того, были очень выгодны для меня тем, что работали по воскресеньям и в многочисленные церковные праздники, когда ни один грек не станет работать ни за какую цену. Кроме того, поскольку я всегда мог быть уверен, что они будут работать с неизменным усердием и их никогда не надо будет понукать, я мог позволить им рыть все шахты и давать им другую работу, в которой мое наблюдение было невозможно. По всем этим причинам я всегда платил турецким рабочим пропорционально более высокую плату, чем грекам. Иногда у меня бывали и несколько рабочих-евреев, которые также работали гораздо лучше, чем греки.

По этому случаю я хотел бы упомянуть, что все евреи Леванта – потомки испанских евреев, которые – к великой беде Испании – были изгнаны из этой страны в марте 1492 года в царствование Фердинанда и Изабеллы. Странно, но, несмотря на свои долгие блуждания и переменчивость судьбы, они так и не забыли своего испанского языка, на котором все еще беседуют между собой и на котором даже еврей-рабочий говорит более бегло, чем по-турецки^{26*}. Если один из этих евреев сейчас вернется в Испанию, то его словарь, конечно, может там показаться забавным, ибо изобилует старинными испанскими словами, такими, как мы находим в «Дон Кихоте», и, кроме того, содержит немало турецких слов. Но все равно удивительно, что испанский язык так хорошо сохранился на Востоке в течение четырех веков в устах людей, которые, если им приходится переписываться между собой, пишут его не латинскими, а еврейскими буквами. Таким образом, на все испанские письма, которые я адресовал еврею С.Б. Гормезано в Дарданеллах, который в то время был моим агентом, я всегда получал ответы на итальянском, и меня уверили, что он и не умеет писать по-испански латинскими буквами, поскольку с детства он привык к еврейскому алфавиту.

У меня было два турецких представителя, один из которых, по имени Мохарем-эфенди, был послан ко мне местными властями: пришлось предоставить ему жилье и платить 7 фунтов 10 шиллингов ежемесячно. Другой представитель, Бедер-эддин-эфенди, был послан ко мне министром общественного образования в Константинополе, который ему и платил: мне осталось лишь предоставить ему спальню. Я проводил археологические раскопки в Турции много лет, но никогда еще не имел несчастья получить столь чудовищного представителя, как Бедер-эддин, чье высокомерие и самодовольство равнялись только его полному невежеству и который считал своей единственной обязанностью ставить мне палки в колеса, где только возможно. Поскольку он был представителем правительства, то телеграф в Дарданеллах был в полном его распоряжении, и он использовал его самым бесстыдным образом, чтобы обвинять меня и моих архитекторов перед местными властями. Сперва гражданский губернатор прислушивался к нему и посылал достойных доверия людей, чтобы расследовать его обвинения; однако, неоднократно убедившись, что этот человек всего лишь низко клеветает на нас, он больше уже не обращал на него внимания.

²⁶ Лингвисты считают это наречие особым языком – «ладино» или сефардским.

Турок всегда будет ненавидеть христианина, как бы хорошо тот ему ни платил, и Бедер-эддин-эфенди было совсем не трудно привлечь всех моих одиннадцать жандармов на свою сторону и, таким образом, приобрести себе столько же шпионов. Этот человек стал особенно неприятным и невыносимым для нас, когда в апреле мой архитектор, доктор Дерпфельд, употребил геодезический прибор, чтобы делать измерения и планы Илиона. Сие обстоятельство было сообщено военному губернатору Дарданелл Джемалю-паше, который немедленно довел его до сведения Саида-паши, Великого Начальника артиллерии в Константинополе, намекнув ему о своих подозрениях, что мы-де лишь используем раскопки в Трое как предлог для снятия планов крепости в Кум-Кале.

Саид-паша принял его точку зрения и немедленно телеграфировал ему с тем, чтобы он запретил нам не только пользоваться геодезическими приборами, но и вообще делать какие-либо планы.

Как только Бедер-эддин-эфенди услышал об этом, он начал постоянно доносить на нас военному губернатору, заявляя, что якобы мы, несмотря на запрещение, тайно делаем измерения и планы, и он настолько преуспел в настраивании этого офицера против нас, что тот вообще запретил нам измерять что-либо на раскопках. Добившись этого, Бедер-эддин-эфенди объявил, что он и его надсмотрщики, которых он поставил над нами, не могут понять, что мы делаем: измеряем или просто делаем заметки или рисунки; посему он совсем запретил нам делать записи или рисунки во время раскопок и постоянно угрожал моим архитекторам, что арестует их и пошлет в цепях в Константинополь, если они не будут повиноваться.

Я прибег к помощи германского посольства, объяснив, что злополучная крепость Кум-Кале находится в пяти милях от Гиссарлыка и совершенно невидима оттуда и что я просто был намерен сделать новые планы акрополя и нижнего города вместо старых (планы I и II в «Илионе»), которые после моих раскопок в этом году оказались не вполне верными. Поверенный в делах Германской империи в Константинополе, барон фон Хиршфельд, немедленно занялся этим делом, но ни он, ни его превосходный первый драгоман, барон фон Теста, не могли ничего поделать против упрямства Великого Начальника артиллерии, который не повиновался даже приказаниям Великого визиря.

Правда, несмотря на бдительность Бедер-эдина-эфенди, нам все же удалось сделать все заметки, которые нам были нужны, однако измерения были совершенно невозможны. Таким образом и прошли пять месяцев троянской кампании: она завершилась в конце июля, с постоянными тщетными усилиями со стороны германского посольства в Константинополе добиться для нас позволения делать планы и среди ежедневных и ежечасных беспокойств, которые причинял нам наш невыносимый турецкий представитель Бедер-эддин-эфенди; короче говоря, подобный ему субъект – абсолютное зло для любого археолога.

В августе я прямо обратился к канцлеру Германской империи, князю Отто фон Бисмарку, который любезно занялся этим делом, немедленно дал новые инструкции посольству в Константинополе и добился для меня в сентябре позволения делать новые планы при том условии, что они будут ограничиваться моими работами ниже уровня почвы и что над поверхностью земли никаких измерений делаться не будет. Ограниченное таким образом дозволение было, конечно, бесполезным. Возможно, меня ожидали бы дальнейшие отсрочки и разочарования, если бы на помощь не пришел счастливый случай. Мой досточтимый друг, герр фон Радовиц, был назначен посланником Германской империи в Константинополе. Фон Радовиц – один из самых выдающихся дипломатов, которыми когда-либо располагала Германия; кроме того, он одарен необузданной энергией, а душа его горит священным огнем науки. Обратившись от моего имени прямо к его величеству султану, он немедленно добился от него ирадэ, которое позволяло мне делать планы. Теперь я могу публично исполнить приятнейший долг перед его превосходительством и самым сердечным образом поблагодарить

его за ту неизмеримую услугу, которую он оказал мне, ибо без нее я, возможно, так и не смог бы завершить свою работу.

Итак, 18 ноября я снова отправил в Трою доктора Дерпфельда; однако, поскольку у него было так мало времени, он смог сделать лишь план VII (акрополь второго города). Только в апреле 1883 года я смог послать в Трою геодезиста, г-на Дж. Риттера Вольффа, который сделал план VIII – всего города Илион.

Возвращаясь к рассказу о наших делах по порядку. Южный ветер дул только первые три дня марта; потом, до конца апреля, и, следовательно, пятьдесят восемь дней подряд беспрерывно дул сильный северный ветер²⁷, который по меньшей мере четыре дня в неделю переходил в суровый шторм, задувал в глаза ослепляющий песок и серьезно мешал нашим раскопкам. Только у нескольких моих рабочих были очки, защищавшие их от песка; тем, у кого их не было, приходилось закрывать лица платками, и толпа моих рабочих в платках напоминала закутанных в вуали гостей на итальянских похоронах. В то же самое время погода была очень холодная, ночью термометр нередко падал ниже точки замерзания ($0^{\circ}\text{C} = 32^{\circ}\text{F}$)²⁸, и часто даже в апреле вода в наших бараках превращалась в лед; зачастую термометр не поднимался выше $3^{\circ}\text{C} = 37,4^{\circ}\text{F}$ в полдень. Горная цепь Иды была полностью покрыта снегом примерно до 20 марта. После этого снег оставался лишь на самых высоких пиках; однако он постепенно сходил и к концу мая был виден лишь на вершинах и вблизи них. Относительно деталей, касающихся погоды с 22 апреля по 21 июля, я отсылаю читателя к метеорологическим таблицам в конце этой книги. К несчастью, первые пятьдесят три дня мы не делали наблюдений, а моя малярия помешала мне делать записи после 21 июля.

Зима 1881/82 года была необыкновенно сухой, и позднее дождь все еще был исключительно редок. Весь март и апрель было всего лишь пять или шесть небольших дождей, и все время вплоть до конца июля вообще не было дождя, за исключением двух гроз. Поэтому вода Симоента, который был глубиной лишь в несколько дюймов в начале марта, полностью иссохла к концу апреля, и ложе реки стало совершенно сухим в начале мая. То же самое случилось к середине мая и с Фимбрием, и (неслыханное дело) даже в русле Скамандра на Троянской равнине в начале июля не было текущей воды, и вся река состояла лишь из ряда прудов стоячей воды, которых с течением времени становилось все меньше и меньше²⁹. Как уже было сказано в «Илионе»³⁰, проточная вода пропадает в Скамандре в среднем раз в три года в августе или сентябре; случается также (видимо, с такой же частотой), что Симоент и Фимбрий высыхают полностью в августе или сентябре, однако старейшие долгожители Трояды не упомнят такого, чтобы это происходило со всеми тремя реками так рано, как в том году.

Говоря о Скамандре, могу добавить, что 14 марта я исследовал место слияния Бунар-башису со Скамандром, которое происходит отнюдь не в двух местах, как утверждает П.В. Форшхаммер³¹, но лишь в одном, примерно в миле к югу от моста Кум-Кале³². Ручеек Бунар-башису в этом месте достигает 2 метров в ширину и около 0,3 метра в глубину. Осматри-

²⁷ Это были те самые ветры древних, которые назывались бопеем. Aristot. Probl. 26, 2.

²⁸ Для удобства читателя, может быть, следует дать простое правило перевода температуры по Цельсию в градусы по Фаренгейту. Градусы Цельсия нужно умножить на 1,8 (то есть умножить на два, а потом на 0,9) и добавить 32° ; если же речь идет о минусовой температуре (ниже нуля по Цельсию), то нужно вычесть 32° . Таким образом, $3,2^{\circ}\text{C} = 6,4^{\circ} \times 0,9 + 32 = 37,76^{\circ}\text{F}$. Так, разница между точками замерзания и кипения, $100^{\circ}\text{C} = 212^{\circ} - 32^{\circ} = 180^{\circ}\text{F}$, каждые $5^{\circ}\text{C} = 9^{\circ}\text{F}$ и каждый градус Цельсия = $1,8^{\circ}\text{F}$, или 9: SF.

²⁹ Обитатели деревни Ени-Шехр, которым нужно всю свою воду носить из Скамандра, оказываются в тяжелом положении, когда река высыхает, ибо им приходится копать колодцы в русле реки и по мере того, как река становится все суше и суше, копать все более и более глубокие ямы.

³⁰ Т. I. С. 152.

³¹ Forchhammer P.W. Topographische und Physiographische Beschreibung der Ebene von Troia. S. 14.

³² См. большую карту Трояды.

вая землю в округе, я поразился конической форме холмика, на котором стоят одна или две ветряные мельницы непосредственно к востоку и юго-востоку от Ени-Шехра³³, и, тщательнейшим образом обследовав его, обнаружил, что имею дело с искусственным курганом, так называемой гробницей героя; действительно, фрагменты древней керамики, которые то тут, то там виднелись из-под земли, не оставляли на этот счет сомнений. Этот курган пока еще не был замечен никем из современных путешественников, однако он, очевидно, был известен Страбону, который упоминает о существовании здесь трех гробниц, а именно курганов Ахилла, Патрокла и Антилоха, в то время как до сего дня мы знали только две гробницы, приписываемые двум первым героям. Далее я еще вернусь к этому новооткрытому кургану.

В апреле и мае Троянская равнина обычно покрывается красными и желтыми цветами, а также высокой травой; однако в этом году из-за недостатка влаги цветов не было и почти не было травы, так что бедным людям почти нечем было кормить свою скотину. Таким образом, в этом году нам не приходилось жаловаться, как раньше, на надоедливое монотонное кваканье миллионов лягушек, ибо, поскольку болота в низинах Симоента высохли, лягушек вообще не было, за исключением всего нескольких в русле Калифатли-Асмака. Саранча в этом году появилась позднее, чем обычно, а именно в конце июня, когда почти весь хлеб уже убрали; таким образом, она не нанесла особого вреда.

Первые стаи журавлей пролетели над Троянской равниной 14 марта; первые аисты прибыли 17 марта. Журавли здесь не гнездятся: они лишь останавливаются на несколько часов, чтобы покормиться, и летят дальше на север.

1 апреля в 5 часов 15 минут пополудни случилось небольшое землетрясение.

Одной из первых моих задач было обнаружить все фундаменты эллинистических или римских построек в еще нераскопанной части Гиссарлыка и собрать принадлежавшие им, а также другим зданиям скульптурные блоки, которые уже нельзя было отнести к какому-то определенному фундаменту. Я также продолжил раскопки, начатые в 1872 году на северной стороне, в месте, отмеченном как V – N O, на глубине 12 метров ниже поверхности. Однако, обнаружив, что почва состоит исключительно из доисторического мусора, который был набросан там, чтобы расширить и сгладить холм, я вскоре снова отказался от раскопок.

Поскольку я надеялся найти на северном холме, в том месте, где (см. верхнее V на плане I в «Илионе») в 1872 году обнаружил прекрасную метопу Аполлона и квадригу Солнца, еще метопы, я послал туда двадцать пять рабочих, которые трудились почти два месяца. Сначала они сняли огромную массу щебня, которую я сбросил со склона в 1872 и 1873 годах, и затем срыли с него слой глубиной в 3 метра спереди назад. Глубина снятого таким образом слоя щебня составила в среднем 6 метров, высота – 28 метров, ширина – 20 метров; поэтому раскопки пришлось проводить террасами, поскольку таким образом и работа становилась намного легче, и расстояние, на которое переносили щебень, сводилось к минимуму. Мы работали здесь с помощью мотыг, лопат и тачек, которые всегда выгоднее, чем тележки, в случае если расстояние меньше 30 метров. Но мы так и не нашли второй метопы, а также никакой другой особенно интересной скульптуры, кроме одной лишь мраморной женской головки, которую я воспроизвожу в главе об Илионе. Во время этих раскопок я наткнулся на очень интересный угол стены македонского периода, который опишу на последующих страницах. Я также исследовал гигантский театр непосредственно к востоку от акрополя, о котором также подробно расскажу в главе об Илионе. Там, как и при раскопках на Гиссарлыке, мы обнаружили огромное количество ядовитых змей, однако мои рабочие не боялись их укусов, ибо, как они объявили мне, перед тем как выйти на работу, они выпили какое-то противоядие, которое называли «сорбет» и которое делало укусы даже самых ядовитых

³³ См. большую карту Трояды.

змей безвредными. Однако я так и не смог получить от них это снадобье, хотя и предлагал за него большие деньги.

Я продолжил очищать эллинистический колодец на акрополе³⁴, устье которого обнаружил осенью 1871 года примерно в 2 метрах ниже поверхности. На глубине 18 метров я обнаружил множество грубых доисторических каменных молотков из диорита и полировальный камень из яшмы, а под этими орудиями – большое количество греческих и римских черепиц различной формы. Это, судя по всему, доказывало, что каменные орудия были брошены в колодец позднее, вместе с другим мусором. Достигнув глубины в 22 метра, я вынужден был прекратить работу из-за подпочвенных вод, которые поднимались быстрее, чем я мог отводить их. Последними предметами, вынутыми из колодца, были шесть овечьих черепов.

Я также выкопал на восточной части акрополя шахту со стороной 3 метра, в которой наткнулся на скалу на глубине 14 метров³⁵.

Одной из моих крупнейших работ была траншея (отмеченная SS на плане VII) длиной 80 метров и шириной 7 метров, которую я выкопал в марте и апреле от точки К к точке L³⁶ через восточную часть акрополя, которая тогда еще была не раскопана, чтобы убедиться, сколь далеко в этом направлении простиралась цитадель доисторического города. Эта работа была исключительно тяжелой из-за огромных масс мелких камней и огромных булыжников, которые нам приходилось убирать, а также из-за глубины (не менее 12 метров), на которую нам приходилось копать, чтобы достичь материка. Траншея раскапывалась одновременно по всей длине, щебень вывозили на тачках, а также телегах, которые везли люди и лошади; однако чем глубже мы проникали, тем сложнее и утомительнее становилась работа, ибо мы были вынуждены выносить щебень в корзинках по узким зигзагообразным тропкам, которые становились все круче и круче с возрастанием глубины. Когда мы достигли глубины от 10 до 12 метров, нам пришлось срыть боковые тропинки, вывозить весь щебень на тележках, которые двигали люди, и выбрасывать его на склон в точке К. Однако эта утомительная работа была вознаграждена: мы получили интересные результаты по топографии древнего акрополя. Они позволили нам определить, что вся восточная часть холма-цитадели возникла после разрушения четвертого города и что она была насыпана, чтобы расширить первоначальный Пергам, поскольку в траншее мы обнаружили внешнюю, или восточную, сторону кирпичной стены цитадели второго города (отмечена NN на плане VII), где слои щебня внезапно обрываются. Дальнейшие исследования с уверенностью показали, что от подножия стены цитадели первоначально был резкий обрыв с крутым наклоном на восток и что во время первых четырех городов глубокая долина отделяла Пергам с восточной стороны от горной цепи, одним из отрогов которого он фактически был. Следовательно, холм цитадели должен был увеличиться с восточной стороны на целых 70 метров еще до падения второго города.

Раскапывая траншею, мы наткнулись на гигантские фундаменты, построенные из хорошо обработанных блоков известняка: некоторые из этих фундаментов, безусловно, относились к римскому времени – их конструкция, а также отметки каменотесов на них не оставляли в этом сомнения. Отметив их точное местоположение, мы должны были пробиться сквозь эти фундаменты, чтобы копать траншею дальше. Однако сдвинуть камни из-за их чудовищного веса мы не могли, и поэтому пришлось разбить их огромными молотками – работа, на которую были способны всего лишь двое или трое из всех моих рабочих и которая по вечерам всегда вознаграждалась дополнительной платой. Мы сохранили только те блоки, которые представляли особый интерес с архитектурной точки зрения. Мы не могли

³⁴ См.: *az* на плане I в «Илионе» и *tz* на плане VII в настоящей книге.

³⁵ Эта шахта отмечена как R на плане VII.

³⁶ См. план I в «Илионе».

с точностью установить, к каким зданиям принадлежали эти фундаменты, поскольку они были уже частично разрушены в Средневековье, а в новые времена активно использовались в качестве каменоломни. Среди этих фундаментов те, что стояли на северо-восточной стороне, особенно выделялись своими гигантскими пропорциями и хорошей постройкой.

Пробившись через них, на северо-восточном конце траншеи мы наткнулись на большую стену крепости из грубо обработанных камней, которую мои архитекторы с самой большой степенью вероятности отнесли к пятому доисторическому городу. Хороший вид на эти камни дает рис. 99. Мы обнаружили стену на глубине 6 метров, и нам пришлось пробиться сквозь нее, чтобы проделать дорожку для телег наших рабочих, которые трудились в траншее. Ее кладка отличается от стен фундаментов более древних доисторических городов: она состоит из длинных, похожих на дощечки каменных плит огромных (особенно в нижней части) размеров, соединенных самым прочным образом без цемента или извести, в то время как нижняя часть стен второго доисторического города состоит из камней поменьше скорее кубической формы. Эта особая форма конструкции дала нам подсказку, и на противоположной стене акрополя мы обнаружили продолжение этой стены из плит-дощечек. Таким образом мы смогли проследить форму стены пятого доисторического города, по крайней мере в общих чертах.

Внешняя часть этой стены слегка изогнута, сверху ее ширина составляет 2,5 метра, внизу – 5 метров из-за расширения примерно на середине. На одном уровне с этой стеной доисторической цитадели было обнаружено много стен домов, которые были сложены отчасти из камней каменоломен, отчасти из необожженного кирпича. Весьма замечательно, что под эллинским слоем руин мы обнаружили от пункта К до примерно половины расстояния до точки L только лидийские терракоты, такие, как описаны в главе X «Илиона», и керамику пятого и четвертого поселения, но ничего, имеющего отношения к трем нижним городам. В другой половине траншеи мы обнаружили под руинами четвертого поселения глубокие слои руин и кирпичей, упавших с кирпичной стены второй цитадели (NN на плане VII) на востоке, которые должны были попасть сюда, когда были уничтожены второй и четвертый города. Об этой кирпичной стене, которая здесь образует башню (GM на плане VII), я подробно рассказываю в описании второго города. Под наклонными слоями обломков кирпичей я нашел слой природного грунта толщиной 0,5 метра, который, очевидно, был выкопан в другом месте и насыпан сюда. Мы обнаружили этот слой природного грунта на всей южной и восточной сторонах акрополя: скорее всего, он появился здесь, когда выравнивали землю для основания кирпичной стены, что, как мы увидим на следующих страницах, принадлежит ко второму периоду истории города. Это самая вероятная гипотеза, так как под этим природным грунтом мы нашли слой обломков обожженных кирпичей, который, судя по всему, является результатом разрушения стены цитадели первого периода, которая находилась чуть западнее. Еще глубже, у самого материка, мы нашли керамику первого и второго города.

Другой крупной работой были раскопки руин домов второго города на той части участка D (на плане I в «Илионе»), которая простирается между юго-западным концом траншей W и L (см. план I в «Илионе»). Здесь также больше всего хлопот доставили нам гигантские фундаменты эллинистических или римских зданий; под ними мы обнаружили последовательно фундаменты (с частями стен) пятого, четвертого и третьего поселений: к несчастью, все это нам пришлось убрать. Каменные кладки этих трех городов не сильно различались: стены состояли из грубых кирпичей или небольших известковых камней, скрепленных глиной. В стене дома пятого города были несколько слоев грубых кирпичей между слоями каменной кладки. Могу упомянуть об одном странном явлении: в ходе этих раскопок мы во многих местах подбирали зернотерки и грубые каменные молотки непосредственно под слоем эолийского Илиона. Как и в случае с их присутствием в эллинистическом колодце, они, несомненно, были брошены сюда вместе с другим мусором.

Греческие и латинские надписи, обнаруженные в немалом количестве как там, так и в других местах, даны на следующих страницах.

Еще одной нашей великой задачей было снять почти весь большой блок щебня, помеченный В на плане I в «Илионе», и убрать на раскопанных участках все стены и оставшийся щебень от третьего поселения с тем, чтобы обнаружить все фундаменты второго города и то, что осталось от стен его домов. Я оставил *in situ*^{37*} только крупнейший дом третьего города (помеченный HS на плане I в «Илионе» и на плане VII в этой работе), который я раньше считал резиденцией вождя города. Я также раскопал гораздо глубже траншею (Z – O на плане I в «Илионе» и NZ на плане VII), тщательно очистил большую западную стену и раскопал все пространство А – О (план I в «Илионе»), чтобы открыть юго-западные ворота (RC и FM на плане VII) с прилегающей к ним частью большой стены вниз до самого фундамента. Далее я убрал щебень, находившийся на дороге к юго-западным воротам³⁸, очистил мусор между двумя большими стенами второго города³⁹, *c* и *b* на плане VII и обнаружил их продолжение в восточном направлении. В ходе этих работ многое указало мне на то, что должна была существовать и вторая дорога к воротам, которая вела от южной стороны к акрополю второго города в точках, отмеченных G, G' (на плане I в «Илионе»). Итак, я провел там раскопки и действительно обнаружил вторые большие ворота (помеченные NF на плане VII), о которых расскажу на следующих страницах. Поскольку пришлось убрать значительную часть блоков щебня G, G' и значительную часть блока земли JE (план I в «Илионе») и копать на огромной глубине, эти раскопки были одними из самых беспокойных и утомительных, тем более что у нас не было никакого другого места для сбрасывания мусора, кроме большой северной траншеи (X – Z на плане VII), и отсюда его приходилось вывозить на тележках, запряженных быками или лошадьми и сваливать на северном склоне.

Я также раскопал северо-западную часть L (см. план I в «Илионе») там, где в 1873 году обнаружил алтарь, изображенный в «Илионе» (т. 1) на с. 72 на рис. 6 и нашел там вторые ворота третьего города и на 1,5 метра глубже их третьи большие ворота второго города (отмечены OX на плане VII): они будут подробно описаны в последующих главах. Далее я очистил южную часть построек L и L' (см. план I в «Илионе»), в которых мы теперь признали большие ворота римской эпохи Илиона. Чтобы обнаружить больше построек первого города, я расширил и раскопал до материка большую северную траншею (X на плане I в «Илионе» и X – Z на плане VII в этой книге) настолько, насколько возможно, не разрушая ни один из фундаментов второго города. В процессе этой работы я обнаружил множество интересных стен первого города (помечены *f* и *f a, f b, f c* на плане VII). О них я также расскажу на следующих страницах.

Мои изыскания весной 1873 года на плато к востоку, югу и западу от акрополя были весьма поверхностными. Как можно видеть из плана II в «Илионе», они ограничились двадцатью шахтами, вырытыми в случайном порядке по большой площади нижнего города Илиона и в пяти случаях там, где материк был лишь покрыт слоем мусора на глубине нескольких футов. Кроме того, в трех из более глубоких шахт (см. D, O, R и врезку на плане II в «Илионе») я наткнулся на погребения, вырубленные или встроенные в скалу. В трех других шахтах (см. E, F, I и врезку на плане II) я обнаружил большие стены; еще в четырех были найдены стены домов: при постройке стен всех этих домов материк непременно должен был быть расчищен от древнего мусора, которым он был покрыт. Таким образом, пятнадцать из двадцати шахт не дали никаких результатов.

³⁷ * На месте (лат.).

³⁸ См. в «Илионе» рис. 144 и T U на плане VII в этой книге.

³⁹ Там же.

Теперь я хотел систематически и тщательно исследовать плато и начал эту работу, выкопав траншею длиной 60 и шириной 3 метра (см. план VIII в этой книге) на юго-западном склоне Гиссарлыка вблизи шахт, помеченных К, I, G на плане II в «Илионе» под прямыми углами к осям юго-западных ворот (FM – TU на плане VII). Помимо исследования почвы, я надеялся обнаружить продолжение дороги к юго-западным воротам и найти гробницы по обеим ее сторонам. Поскольку склон здесь поднимается под углом 15°, я решил, что количество мусора должно быть сравнительно небольшим, и, таким образом, надеялся получить от этих раскопок выдающиеся результаты. Однако меня ждало большое разочарование, ибо я наткнулся на материк только в 12 метрах ниже поверхности, и любой, кто когда-либо видел раскопки, поймет, что искать погребения на такой глубине совершенно невозможно, поскольку при уборке мусора из узких траншей возникают слишком большие трудности. Поскольку здесь я не нашел никаких следов дороги к юго-западным воротам, мы должны предположить, что эта дорога (так же оказалось и с дорогой к южным воротам, NF на плане VII) лежала на голой скале. В этой траншее я обнаружил огромное количество эллинистической керамики и в нижних слоях – массу фрагментов очень древней керамики тех типов, которые свойственны двум самым древним поселениям Гиссарлыка, а именно толстую глянцевитую черную посуду, типичную для первого города с нарезным орнаментом, заполненным мелом и с длинными горизонтальными канавками на ободке или с двумя вертикальными отверстиями-трубочками для подвешивания в тулове, а также темно-красные, коричневые или желтые вазы-треножки и фрагменты толстых, совершенно плоских глянцевитых красных терракотовых подносов или блюд, характерных для второго города.

Далее я прокопал траншею длиной 40 метров вблизи акрополя на северо-западной стороне (см. план VIII в этой книге), где надеялся найти продолжение большой стены второго города. Фактически здесь я нашел, и именно в том месте, где она должна была быть, искусственно разглаженную породу: так что нет сомнений, что некогда здесь находилась стена, однако *in situ* не осталось ни одного камня.

Кроме того, я выкопал траншею длиной 110 метров и шириной 3 метра на плато в нижнем городе Илиона на южной стороне Гиссарлыка (см. план VIII). Здесь раскопки были гораздо более легкими, толщина щебенки составляла у холма-цитадели около 6 метров и в конце моей траншеи – только 2 метра. Я наткнулся здесь на портик с колоннами из сиенита и с коринфскими капителями из белого мрамора. Он был замощен большими, хорошо обтесанными блоками из известняка и, очевидно, был разрушен в поздний период, так как колонны упали только тогда, когда пол уже был покрыт мусором на глубину 0,3 метра, и, поскольку все видимые колонны лежали в северо-западном направлении, вполне возможно, что здание было разрушено в результате землетрясения⁴⁰. В той же траншее мы обнаружили также множество стен домов эллинистического времени и большое количество эллинистической керамики, однако в нижних слоях щебня опять-таки было найдено очень много доисторической терракоты первых двух городов Гиссарлыка. Посетители могут легко убедиться в наличии этой керамики, если только не сочтут за труд порыться ножом в стенах траншеи от материка и на 0,3–0,4 метра выше. Я также вырыл на плато большое количество шахт к югу и востоку от холма-цитадели, а также на склоне к западу от него. Все они обозначены на плане VIII, во всех шахтах я получил те же самые результаты.

Кроме того, я раскопал курганы, приписываемые Ахиллу и Патроклу, у подножия мыса Сигей, могилу Протесилая⁴¹ на противоположном берегу Фракийского Херсонеса, а также три кургана на возвышенном месте над Ин-Тепе. Я вел раскопки на месте малень-

⁴⁰ Г-н Калверт привлек мое внимание к свидетельству Плиния в «Естественной истории» (II. 86): «В правление Тиберия Цезаря произошло величайшее на памяти смертных землетрясение: двенадцать городов Азии были разрушены в одну ночь», и это доказывает, что и раньше землетрясения здесь случались.

⁴¹ См. большую карту Трояды, с. 306, 307, а также главу VI.

кого городка (я считаю, что это Гергифа) на горе Бали-Даг над Бунарбаши; в древнем городе под названием Эски-Гиссарлык напротив этих возвышенностей, на восточном берегу Скамандра и дальше к северо-востоку в древних руинах Фулу-Даг или горы Дедех. Далее я вел раскопки в древних городах на горе Куршунлю-Тепе⁴² близ Байрамича у подножия горной цепи Иды. Я отправился туда 1 июля в сопровождении четырех конных жандармов, турецкого представителя Мохаррема-эфенди и двух рабочих, которые везли на вьючных лошадях багаж и инструменты, необходимые для раскопок, а также двух слуг, одним из которых был Николаос.

Мы отправились по Чиблаку через равнину Трои к Бунарбаши. Примерно в миле к югу от Чиблака мы проехали четыре одинокие колонны из серого гранита, которые расположены правильным четырехугольником примерно 100 метров в длину и 40 метров в ширину. Путешественники нередко принимают эти колонны за остатки большого древнего храма, но на самом деле они отмечают место сравнительно недавней турецкой овчарни или стойла для овец, углами которого они служили; видимо, они были привезены сюда из нижнего города Илион, где такие гранитные колонны обнаруживаются в изобилии. На небольшом холмике близ Бунарбаши и на северо-восточной его стороне мы увидели несколько подобных же гранитных колонн, четыре из которых также образовывали правильный четырехугольник; эти колонны современные путешественники также часто принимают за развалины древней Трои, в то время как в действительности они также были привезены сюда из Илиона и использовались для украшения «конака» (поместья) одного турецкого аги, которое стояло здесь еще сто лет назад и прекрасную гравюру с изображением которого мы находим у графа Шуазель-Гуфье в его *Voyage pittoresque de la Grece*. Дорога проходит из Бунарбаши через вершины, северо-восточным отрогом которых является Бали-Даг, вблизи другой, еще необследованной «гробницы героя» (см. большую карту Трояды). Она постепенно поворачивает к востоку и спускается к извивающемуся руслу Скамандра, который нам пришлось переходить не меньше чем шесть раз за один час. Затем через обширные необработанные пустоши, густо поросшие карликовыми дубами, можжевельником и т. п., дорога ведет в Инэ, где меня любезно принял «каймакам» (мэр) Чевкет-Абдулла, который получил некоторое образование и бегло говорит по-французски. Он дал мне еще двоих жандармов, поскольку места эти весьма небезопасны. Был самый разгар лета, мой термометр показывал 34 °C = 93,4 °F в самой холодной комнате дома мэра. Вечером я прибыл в Байрамич и рано на следующее утро – на гору Куршунлю-Тепе (см. малую карту Трояды, рис. 140). Температура в восемь часов утра уже была 36 °C = 96,8 °F, а к десяти утра она поднялась до 38 °C = 100,4 °F.

Я взял с собой из Байрамича десять рабочих, каждый из которых получал по 10 грошей = 1 шиллинг 9 пенсов в день. Мотыги, лопаты и корзины я привез с собой из Гиссарлыка. На последующих страницах я расскажу о результатах моих изысканий на Куршунлю-Тепе, а также о тех исследованиях, что проводил сразу после этого на горе Чали-Даг, на месте древнего города Кебрена.

Я закончил раскопки в Гиссарлыке к концу июля, однако за неделю до того подхватил малярийную горячку. Я избавился от нее с помощью хинина и черного кофе, однако вскоре она вернулась и продолжала мучить меня в течение еще почти четырех месяцев.

⁴² См. малую карту Трояды, с. 6, рис. 140.

Глава II

Первое доисторическое поселение на холме Гиссарлык

Мои превосходные архитекторы доказали мне с очевидностью, что первые поселенцы построили на холме Гиссарлык только одну или две большие постройки. Протяженность этого первого поселения не превышала 46 метров, а ширина его едва ли могла быть больше. Из обнаруженных нами стен особенно замечательны северная (*f c* на плане VII) и две южные (*f a* и *f b*), поскольку они являются стенами укрепления (см. план VIII). Из двух южных стен внутренняя (*f b*), несомненно, принадлежит к более древней эпохе первого поселения, а внешняя – к его более позднему продолжению. Эти укрепления сделаны из необработанных кусков известняка, причем так, что их внешняя часть получилась немного пологой и состоит из более крупных камней. Трудно точно определить ее толщину, поскольку верхняя часть стены провалилась внутрь, однако приблизительно она составляет 2,5 метра. Размер продолжения поселения на южной стороне был не более 8 метров. Между этими стенами укреплений в промежутках 2,5, 4, 5, 5,5 и 6 метров находились пять более тонких стен, почти параллельных, толщиной от 0,6 до 0,9 метра, кроме того, две меньших стены и еще две поперечных стены (см. план VII). Мы смогли раскопать их только на ширину моей большой северной траншеи (X – Z на плане VII), то есть на расстояние примерно 15 метров; к несчастью, мы не могли продолжить эти раскопки первого города, не уничтожив руины следующего, который, как мы увидим далее, представляет главный интерес для науки. Кладка этих стен состоит из небольших камней и земли; во многих местах сохранилось глиняное покрытие. Кирпичи – ни обожженные, ни необожженные – обнаружены не были. Поселение стояло на холме, который спускался с севера к югу, причем почва была на два метра выше на южной стороне, чем на северной. Здесь мы обнаружили множество небольших раковин, но не в таких огромных количествах, как в следующих доисторических городах; кроме того, они, судя по всему, содержались в глине стен домов или террас и, следовательно, не могут считаться кухонными отбросами, как большая часть раковин, принадлежавших более поздним обитателям.

Как мы уже говорили, руины говорят о существовании в Гиссарлыке только одного или двух больших зданий; следовательно, мы можем предполагать с большой долей вероятности, что и в этом первом поселении был нижний город, который простирался по плато на запад, юг и юго-восток; и действительно, большие массы керамики, которые я нашел здесь, в самых нижних слоях моих траншей и шахт, не оставляют никаких сомнений на этот счет. Форма и состав их совершенно идентичны с керамикой первого поселения на акрополе. Первое поселение, видимо, существовало здесь много веков, поскольку было достаточно времени для того, чтобы здесь накопился мусор толщиной в среднем 2,5 метра.

Поскольку даже отдельные фрагменты керамики из этого первого, наиболее древнего поселения весьма замечательны и могут быть подарком для любого музея, я собрал все, что нам удалось найти, и заполнил ими не менее восьми больших ящиков. Кроме того, я тщательно собрал все кости, которые только мог найти, и послал целый ящик их профессору Рудольфу Вирхову в Берлин для исследования (см. приложение II). Почти вся керамика – глянцевитая черная, однако и глянцевитая красная, коричневая или желтая терракота нередки. Я собрал отдельно все наиболее характерные фрагменты, в особенности все ободки ваз с длинными горизонтальными отверстиями-трубками, которых я нашел целые сотни, и тщательно отложил все с резным орнаментом, который всегда заполнен мелом для большей выразительности. Орнамент всегда более или менее похож на то, что мы видим на фрагмен-

тах, воспроизведенных в «Илионе» на рис. 28–35. Однако иногда встречается и орнамент из волнистых линий, как на рис. 53, 54 в «Илионе».

Я воспроизвожу здесь только два самых интересных фрагмента ваз.

На рис. 1 фрагмент ободка сосуда с резным орнаментом, на котором четко изображены два чечевицеобразных глаза с бровями, возможно человеческие; справа и слева – два параллельных штриха; ниже – зигзагообразная линия; прямо над глазами ободок образует полукруг.

Рис. 1. Фрагмент глянцевого черного сосуда с резным орнаментом, заполненным белым мелом. Масштаб 1: 2. Найден на глубине 15 метров

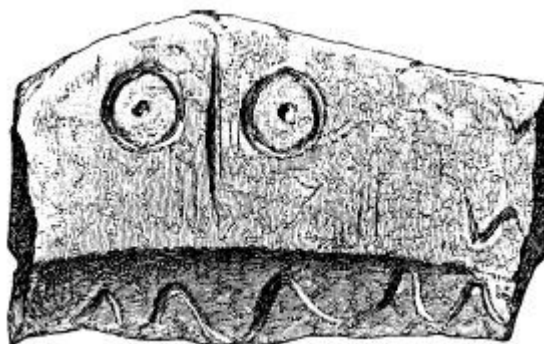

Рис. 2. Фрагмент глянцевитой черной вазы с резным орнаментом, заполненным белым мелом (оборотная сторона – см. № 3)

На рис. 2 также фрагмент ободка сосуда, на котором мы видим весьма любопытный резной орнамент, напоминающий схематичную мордочку совы; глаза очень велики, черточка между ними, возможно, обозначает клюв; под ободком мы видим изогнутую линию, и все эти насечки заполнены мелом. Справа от совиной мордочки, как мы видим, высечено два или больше знаков. Профессор Сэйс полагает, что эти глаза должны были отводить «дурной глаз», подобно глазам, которые изображают на лодках в Китае, на Мальте и Сицилии. В Марокко от керамических сосудов откалывают небольшие кусочки с той же целью.

Обращает на себя особое внимание то, что орнаменты с рис. 1 и 2 были насечены с внутренней стороны сосуда и что с внешней вообще не было никакой орнаментации. Сосуды на которых они были сделаны, имели с внешней стороны два выступа с трубко-образ-

ными отверстиями для подвешивания; один из этих выступов (принадлежавший ко второму сосуду) представлен на рис. 3; чтобы сфотографировать его, противоположную часть фрагмента пришлось положить почти горизонтально. Мы проиллюстрировали этот тип ваз и сосудов с двумя вертикальными трубко-образными отверстиями для подвешивания с каждой стороны на рис. 23–25, с. 316–318 в т. 1 «Илиона». К нескольким местам, перечисленным на с. 318 т. 1 «Илиона», где можно найти вазы с таким устройством, я должен добавить музей Пармы, ученым хранителем которого является г-н Джованни Мариотти. В этом музее находится ваза, найденная в террамаре в Эмилии, по обеим сторонам которой есть два вертикальных отверстия для подвешивания.

Керамика первого города в целом, и в особенности эти большие горшки, обожжена лишь слегка; в самой керамике содержится большое количество маленьких грубых осколков гранита, о присутствии которых свидетельствуют многочисленные маленькие хлопья в слюде, сверкающие, как золото и серебро; однако следует заметить, что этот гранит содержался в глине, и поэтому горшечник не должен был добавлять его.

Знаменитый изготовитель керамики г-н Генри Долтон из Ламбета по моей просьбе провел эксперименты с некоторыми фрагментами этих глянцевитых черных сосудов первого города и получил следующие результаты. Фрагменты, которые он нагрел только до красна, стали слегка желтоватыми, в то время как те, что он нагрел сильно, фактически добела, так, как нагревают стеклянную посуду, стали краснокирпичного цвета. Материал этой керамики оказался весьма огнеупорным и способным к перенесению больших температур. Таким образом, эксперименты г-на Долтона вполне подтверждают теорию доктора Лиша относительно изготовления керамических сосудов в доисторическую эпоху⁴³.

Хотя я полагал, что в «Илионе» (т. 1, с. 321–324) исчерпал дискуссию относительно изготовления троянской керамики вообще и керамики первого города в частности, я тем не менее не могу удержаться от того, чтобы привести здесь выписку из письма о том же предмете от доктора Христиана Гостманна из Целле, поскольку его теория отличается от той, что выдвинул я.

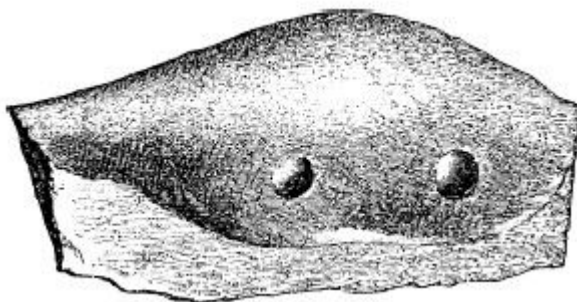

Рис. 3. Обратная сторона вазы, № 2 с двумя вертикальными отверстиями для подвешивания. Масштаб 1: 2 приблизительно. Найдена на глубине 15 метров

«Во время моих раскопок в древнем некрополе Дарцау я обнаружил вазы такого же глянцевитого черного цвета, которым отличаются сосуды первого поселения Трои. В самых разнообразных экспериментах, которые я проводил и для которых моя мануфактура по изготовлению чернил для типографий дала мне великолепную возможность, я обнаружил, что этот цвет никогда не может быть получен на медленном огне с большим количеством дыма, но что его производили, просто погружая вазы в растительное масло, покрывая их тонким

⁴³ См.: Илион. Т. 1. С. 322, 323.

слоем расплавленной сосновой смолы, к которой также могло быть добавлено небольшое количество масла, и затем, когда все остывало, обжигали, так что слой смолы обугливался».

На рис. 4 представлен очень маленький глянцевый черный кувшин с ручкой и выпуклым туловом. Рис. 5 – это глянцевый черный кувшин с округлым туловом, плоской ножкой, прямой цилиндрической шейкой; ручка длинная и тонкая. Толщина глины этого кувшина составляет всего три миллиметра, из которых едва ли один миллиметр обожжен; это одна из легчайших ваз, которые я когда-либо находил на каком-нибудь доисторическом поселении в Гиссарлыке, и она представляет капитальный интерес для науки, поскольку изготовлена на гончарном круге, и, за исключением вазы, изображенной на рис. 23 в «Илионе», которая сделана так же, это единственная полностью сделанная на гончарном круге ваза в первом городе, которой я могу похвастаться: фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге, встречаются иногда в первом городе, однако они редки.

Рис. 5. Глянцевый черный кувшин, сделанный на гончарном круге. Масштаб 1: 4. Найден на глубине 14–15 метров

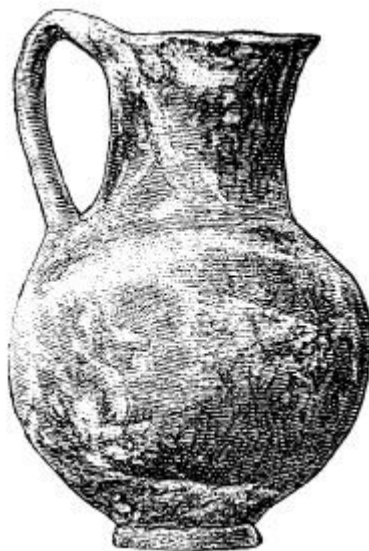

Рис. 4. Маленький глянцевый черный кувшин. Масштаб 1: 4. Найден на глубине 14–15 метров

Хотя руины этого первого и древнейшего троянского поселения могут быть более чем на тысячу лет старше Гомера, я не могу не отметить, что искусство изготовления керамики с помощью гончарного круга уже существовало как ремесло и профессия во время жизни

поэта: мы можем видеть это в восхитительном сравнении, где он, описывая легкие и стремительные движения танцующих юношей и дев, изображенных Гефестом на щите Ахилла, сравнивает эти движения с вращением круга, который гончар, приступая к работе, начинает все быстрее крутить вокруг его оси, чтобы попробовать, поможет ли это ловкости его рук⁴⁴. Я могу добавить, что уже в эпоху первых династий древней империи Египта гончарное колесо находилось в общем употреблении и вся керамика тщательно обжигалась в печах⁴⁵.

Рис. 6 и 7 представляют собой две чаши из глянцевой черной керамики с высокой полый ножкой и большой ручкой, поставленной вертикально на ободок; глина толстая, однако слегка обожженная и тяжелая. Это первые целые чаши такой формы, которые я когда-либо находил, но, поскольку подобные ручки и полые ножки часто встречаются в остатках первого поселения, нет сомнения, что чаши такой формы были здесь во всеобщем употреблении. На рис. 8 – весьма своеобразный сосуд, также глянцевито-черного цвета из лишь слегка обожженной толстой глины.

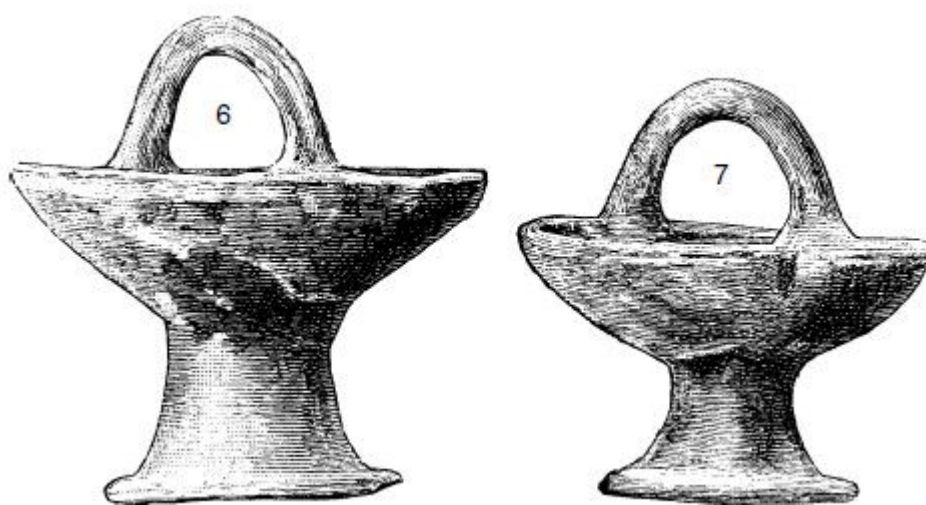

Рис. 6, 7. Две глянцевые черные чаши с полый ножкой и вертикальной ручкой. Масштаб 1: 4. Найдены на глубине около 14 метров

Тулово, напоминающее наши современные бокалы, окружено пятью глубоко врезанными вогнутыми бороздами; ободок слегка выгнут. Длинная, слегка изогнутая ручка очень интересна; большое отверстие, которое мы в ней видим, возможно, указывает на использование этого сосуда, поскольку его, видимо, опускали на веревке в колодец, чтобы брать воду; отверстие также могло служить, чтобы подвешивать его на гвозде. Я никогда не находил здесь подобного сосуда, и я у меня нет сведений о том, чтобы подобный сосуд когда-либо встречался где-то еще.

⁴⁴ Плещут они, и ногами искусными то закружатся, Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной, Если скудельник его испытует, легко ли кружится... (II. XVIII. 599–601.)

⁴⁵ См.: *Chipier* *Ск Histoire de l'Art*. Paris, 1882. Vol. I. P. 818, 819. См. также: *Birch S. Ancient Pottery*. P. 14.

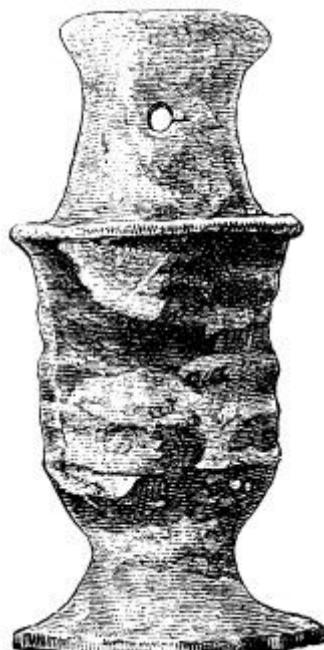

Рис. 8. Глянцевая черная чаша с горизонтальными бороздками, полый ножкой и вертикальной ручкой с отверстием. Масштаб 1: 4. Обнаружена на глубине около 14 метров

Рис. 9 – это очень симпатичная глянцевая черная вазочка с выпуклой ножкой и выступами с обеих сторон с перпендикулярными отверстиями для подвешивания. К перечню тех нескольких мест, где можно видеть вазы такого устройства, который я привел на с. 326, 327 т. 1 «Илиона», я должен добавить Доисторический музей Мадрида, который содержит пять фрагментов изготовленных вручную сосудов, найденных в пещерах каменного века в Андалусии, по обеим сторонам которых находятся трубнообразные отверстия для подвешивания.

Рис. 9. Глянцевая черная вазочка с выпуклой ножкой и перфорированными выступами. Масштаб 1: 4. Обнаружена на глубине 14 метров

Другой фрагмент вазы с вертикальной перфорацией для подвешивания, также обнаруженный в пещерах Андалусии, можно найти в музее Касселя. Ту же систему можно видеть на многих фрагментах сделанных вручную ваз, которые я нашел во время раскопок Орхо-

мена в Беотии⁴⁶ и также на трех изготовленных вручную вазах, обнаруженных в террамаре в Эмилии, одна из которых хранится в музее Пармы, а другие две – в музее Реджио, ученым хранителем которого является профессор Гаэтано Кьеричи. Еще две вазы ручного изготовления с вертикальными трубкообразными отверстиями для подвешивания можно увидеть в доисторической коллекции Национального музея в Колледжо Романо в Риме; одна из них была обнаружена в террамаре в Кастелло близ Боволоне (провинция Верона), другая – в поселении на озере Лаго-ди-Гарда; еще одна, найденная в древней могиле вблизи Корнето (Тарквинии), хранится в музее этого города. Ваза ручного изготовления с вертикальными отверстиями для подвешивания была открыта в террамаре каменного века близ Кампеджине в провинции Реджио в Эмилии⁴⁷. Я могу также упомянуть несколько изготовленных вручную погребальных урн с тем же самым устройством, которые были найдены в древних могилах вблизи Боволоне (провинция Верона) и считаются относящимися к тому же веку, что и террамара Эмилии⁴⁸. Ваза с подобным же устройством для подвешивания, обнаруженная в Умбрии, находится в доисторической коллекции музея Болоньи; еще одна, найденная в пещере Тру-дю-Фронталь-Форфоз в Бельгии, хранится в музее Брюсселя. Коробка из терракоты с вертикальным отверстием для подвешивания на крышке и на ободке, была найдена в районе Губена в

Пруссии⁴⁹. Доисторическая коллекция музея Женевы содержит несколько фрагментов ваз, обнаруженных во Франции⁵⁰, в которых есть такие же вертикальные отверстия для подвешивания. Наконец, я могу упомянуть вазу с четырьмя выступами, в каждом из которых было по два вертикальных отверстия: она была найдена в прошлом году в погребении каменного века близ Тангермюнде в Альтмарке и хранится в Северном отделе королевского музея в Берлине: мое внимание к ней привлек г-н Эд. Краузе из Королевского этнологического музея.

Я обращаю особое внимание читателя на большое сходство этих троянских vaz с *kipes* (лат. сира, фр. hotte), которые крестьяне используют на полях и в которых есть совершенно такие же вертикальные трубкообразные отверстия для подвешивания, как и на этих вазах. Однако я должен также упомянуть открытие, сделанное недавно доктором Филиосом, представлявшим Эллинское археологическое общество: в основании храма Деметры в Элевсине было обнаружено несколько древнейших терракотовых vaz и идолов, и среди них – небольшой сосуд, у которого с каждой стороны были выступы с перпендикулярными отверстиями для подвешивания, в то время как почти у всех остальных vaz на каждой стороне – обычное отверстие для подвешивания в ножке и ободке. Все эти вазы расписаны по кругу красными полосками и настолько примитивны, что я без сомнений отношу их к эпохе, которая предшествует даже царским гробницам Микен. Идолы, обнаруженные вместе с ними, еще более примитивны, чем грубейшие образцы, обнаруженные когда-либо в Трое.

Фрагменты сосудов ручного изготовления с двумя длинными горизонтальными трубкообразными отверстиями для подвешивания (такие, как показаны на рис. 37–42 в «Илионе») также были найдены в больших количествах в руинах первого поселения; я сумел собрать двадцать пять таких сосудов. В музее Болоньи хранятся фрагменты сосудов похожего устройства, найденных в Гротта-дель-Диаволо близ Болоньи⁵¹; по своей древности эта

⁴⁶ См.: Schliemann. Orchomenos. Leipzig, 1881. S. 40, fig. 2; S. 41, fig. 3.

⁴⁷ Bulletino di Paletnologia Italiana. 1877. P. 8, 9. Pi. I. No. 3.

⁴⁸ Ibid. 1880. P. 182–192. Table XII, Nos. 1, 2, 4, 5.

⁴⁹ Zeitschrift für Ethnologie, Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1882. S. 392–396.

⁵⁰ Место, где была сделана эта интересная находка, не обозначено.

⁵¹ Botti Aw. Ulderigo. La Grotta del Diavolo. Bologna, 1871. Inc. V, figs. 1, 4.

пещера, как считается, относится к первой эпохе северного оленя⁵². В том же музее находится множество фрагментов сосудов с той же системой горизонтальных трубкообразных отверстий в крае длиной от 0,03 до 0,07 метра, обнаруженных в гротах Фарнето, Прагатто и Растеллино в провинции Болонья: все они относятся к каменному веку. Фрагменты сосудов с точно таким же устройством, обнаруженные в террамаре Эмилии, также можно увидеть в музее Болоньи и в Национальном музее в Колледжо Романо в Риме. Я также нашел фрагменты подобных сосудов во время своих раскопок в Орхомене⁵³, а также в ходе совместных раскопок с г-ном Фрэнком Калвертом на Ханай-Тепе⁵⁴.

В связи с этим я могу упомянуть, относительно любопытного кубка эпохи первого города, изображенного в «Илионе» на рис. 51, что в Доисторическом музее в Мадриде находится четыре чаши такой же формы, однако без ручек, найденные в пещерах Андалусии, которые были обитаемы в каменном веке, далее, три кубка той же формы – один с одной ручкой, два других с двумя – найденные на Родосе, находятся в музее Лувра. Кубок подобной же формы, недавно найденный в самых нижних слоях щебня на Акрополе в Афинах, находится в Музее Акрополя.

В пяти доисторических поселениях при раскопках этого года было найдено огромное количество (не менее 4000) терракотовых пряслиц, как простых, так и с нарезным орнаментом. Мое мнение, согласно которому все эти тысячи собранных мною за все эти годы пряслиц служили вотивными приношениями, нашло горячего сторонника в лице г-на Г. Риветт-Карнака⁵⁵, который обнаружил множество подобных изделий в Бихаре и других буддийских руинах в северо-западных провинциях Индии. Нарезной орнамент на многих из этих индийских пряслиц, в котором он опознает религиозные символы и в основном – изображение солнца, совершенно идентичен с орнаментом на троянских пряслицах.

Доктор В. Дерпфельд привлек мое внимание к работе Рихарда Андре «Этнографические параллели и сравнения»⁵⁶; здесь утверждается, что перфорированные пряслица из терракоты или стекла, которые, согласно этим гравюрам, имеют форму, идентичную троянским пряслицам и с подобным же орнаментом, используются как деньги на островах Палау, или Пелеу, в Тихом океане: «Здесь они именуются Audou и считаются подарком духов; предполагают, что они импортные, поскольку никто из туземцев не смог бы изготовить их из-за недостатка материала. Количество этих предметов в обороте никогда не увеличивается. Стоимость некоторых из этих пряслиц доходит до 750 фунтов стерлингов».

Древнейшие терракотовые пряслица, обнаруженные в Италии, – это, видимо, образцы из Гротта-дель-Диаволо, возраст которых, как я уже говорил выше, соотносится с первой эпохой северного оленя⁵⁷; они не орнаментированы и хранятся в музее Болоньи. Однако нередко они встречаются и в итальянских террамарах, особенно в Эмилии, и помимо мест, перечисленных на с. 337–339 в т. 1 «Илиона», я могу упомянуть музеи Реджио и Корнето, в которых находится несколько образцов, орнаментированных насечкой; в музее Пармы также хранится шесть орнаментированных пряслиц, а не два, как говорится в т. 1 «Илиона» (с. 337).

Многие терракотовые пряслица с орнаментом, подобным орнаменту троянских, были собраны неутомимым доктором Виктором Гроссом во время его раскопок в поселениях швейцарских озер⁵⁸.

⁵² Idem. P. 36.

⁵³ См.: Orchomenos. Leipzig, 1881. S. 41. Fig. 4.

⁵⁴ См.: Plios. P. 710. Fig. 1543–1545.

⁵⁵ См.: Меморандум о глиняных дисках, именуемых пряслицами, и вотивных печатях, обнаруженных в Санкисе *Journal of Asiatic Society of Bengal*. Vol. XLIX. Part i. 1880).

⁵⁶ Richard Andree. *Ethnographische Parallelen und Vergleiche*. Stuttgart, 1878. S. 230–232, Bl. 8a, 8c.

⁵⁷ BottiAw. *Ulderigo*. La Grotta del Diavolo. Bologna, 1871. P. 36, Inc. IV, figs. 7 and 8.

⁵⁸ Gross V. *Les Protohelvetes*. Paris, 1883, Pl. XXVI.

Неорнаментированные терракотовые пряслица встречаются также на Эсквiline в Риме и в некрополе Альбано. Профессор В. Хельбиг⁵⁹ считает, что они использовались иногда как пряслица и иногда – как бусы для ожерелий, однако это позднейшее использование для более крупных пряслиц невозможно. Доктор Виктор Гросс считает, что терракотовые пряслица использовались отчасти как пуговицы для платья, отчасти как детали ожерелий и отчасти (но не в последнюю очередь) как пряслица для прялок. Он пишет, что последняя гипотеза подтверждается обнаружением множества таких пряслиц, в которых все еще вставлено веретено и которые поразительно похожи на те, что еще используют пряжи во многих странах⁶⁰.

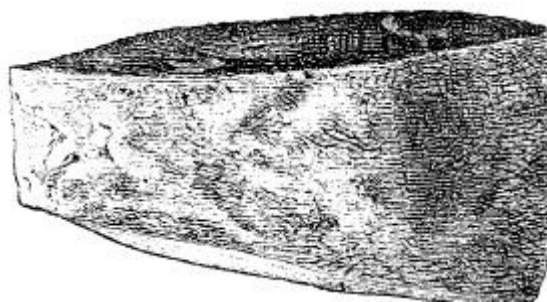

Рис. 10. Топор из зеленого жадеита. Натуральная величина. Найден на глубине 14 метров

В этом году в руинах первого поселения в Трое было найдено восемь каменных топоров, таких же, как те, что изображены на рис. 668–670 в «Илионе»; пять из них сделаны из диорита и три из жадеита⁶¹. Из этих последних я воспроизвожу один на рис. 10 в натуральную величину. Он сделан из прозрачного зеленого жадеита⁶². Профессор Г. Бюклинг был так любезен, что прислал мне следующую интересную заметку о жадеите: «Нефрит и жадеит, которые внешне выглядят совершенно одинаково, можно, согласно последним исследованиям А. Арцруни⁶³ и Берверта⁶⁴, легко отличить, поскольку нефрит принадлежит к группе амфиболов, а жадеит к минералам группы пироксена, и, следовательно, они значительно отличаются размером углов отслоения, в котором можно распознать более тонкие волокна».

Кроме того, были найдены два любопытных инструмента из диорита (подобные тем, что представлены в «Илионе» на рис. 90), которые имеют ту же форму, что и топоры, с той лишь разницей, что на нижнем конце, где должно было находиться лезвие, – тупая и совершенно гладкая поверхность толщиной примерно от четверти до половины дюйма. Два точно таких же инструмента, обнаруженные в пещерах эпохи каменного века в Андалусии,

⁵⁹ Helbig W. Die Italiker in der Po-Ebene. Leipzig, 1879. S. 21, 22, 83.

⁶⁰ Gross V. Les Protohelvetes. Paris, 1883. P. 100, 101; Spindle Whorls and Spinning / Les Protohelvetes. P. 293.

⁶¹ Я подробно говорил о жадеите (нефрите) на с. 348–354, в т. 1; и на с. 87–96 в т. 2 «Илиона», однако тем, кто хочет прочесть больше по этой важной теме, рекомендую превосходную работу профессора Генриха Фишера (*Fischer H. Nephrit und Jadeit nach ihren mineralogischen Eigenschaften, sowie nach ihrer urgeschichtlichen und ethnographischen Bedeutung. Stuttgart, 1875*), а также его ученую диссертацию (*Fischer H. Vergleichende Betrachtungen tiber die Form der Steinbeile auf der ganzen Erde // Kosmos. Ver. Jahrgang, 1881*).

⁶² Мой постоянный суровый критик Э. Брентано (*Brentano E. Troia und Neu Ilion. Heilbronn, 1882. S. 70*) попытался высмеять меня за то, что я в «Илионе» всегда именуя подобные инструменты «топорами». Однако если бы он был хоть немного знаком с археологией, то ему было бы известно, что это – их подлинное и единственное название; их именуют «топорами» в археологических работах по всему миру, и у меня нет права менять это название, дабы угодить невежественным критикам.

⁶³ См.: Verhandlungen der Berliner Anthropol. Gesellschaft. Session 16 Juli. 1881. S. 281–283. Session 16 Dezember. 1882. S. 564–567.

⁶⁴ Sitzungberichte der k.k. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1880. I. 102–105.

находятся в Доисторическом музее в Мадриде, еще один, найденный в пещере под названием Каверна-делле-Арене близ Генуи, хранится в Национальном музее в Колледжо Романо в Риме.

Были также найдены четыре точильных камня из закаленного сланца с отверстием на узком конце, похожие на те, что воспроизведены в «Илионе» на рис. 101. Помимо перечисленных в «Илионе» мест, где были обнаружены подобные точильные камни, я могу упомянуть образец, найденный в погребении в Камирусе на острове Родос (находится в Лувре), и три, обнаруженные в швейцарских озерных жилищах, которые хранятся в музее Женевы. Еще один точильный камень такой же формы был найден на доисторическом кладбище Кобана на Кавказе⁶⁵.

На рис. 11 представлен боевой топор из серого диорита, он грубо сработан и лишь слегка отполирован. У него только один острый край; противоположный край тупой и, видимо, использовался как молоток. В центре каждой стороны можно видеть неглубокую канавку, и это доказывает, что в изделии начали проделывать отверстие, но работа была не окончена. Очень похожий каменный боевой топор, в котором отверстие было начато, но не завершено, был найден в террамарке каменного века близ Мантуи и хранится в Национальном музее в Колледжо Романо в Риме. Другой каменный боевой топор подобной же формы, но с законченным отверстием был обнаружен в Дании⁶⁶.

Поскольку каменные молотки и топоры, в которых на одной стороне начали сверлить отверстие, встречаются очень часто, то доктор Дерпфельд предположил, что, может быть, эти инструменты и не следовало сверлить насквозь: к ним легко можно было приспособить деревянную ручку с помощью чего-то вроде крючка.

В руинах первого поселения было также найдено множество очень грубых каменных молотков, подобных тем, что воспроизведены в «Илионе» на рис. 83. Несколько подобных грубых каменных молотков, найденных в Халдее, хранятся в музее Лувра, другие, найденные в террамарке Эмилии, находятся в музеях Реджио и Пармы. Я могу также упомянуть грубо вырубленные, почти шарообразные каменные инструменты, наподобие изображенных на рис. 80 и 81 в «Илионе», которые встречаются сотнями во всех четырех нижних доисторических городах Трои.

⁶⁵ Virchow R. Das Graberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883. S. 21. Bl. IV, fig. 18.

⁶⁶ Worsaae J.J.A. Nordiske Oldsager i det Kongelige Museum i Kjobenhavn. Copenhagen, 1859. Bl. XIII, fig. 38.

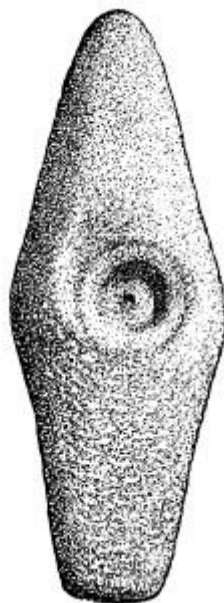

Рис. 11. Боевой топор из серого диорита. Масштаб 1: 4. Найден на глубине около 14 метров

Кроме мест, упомянутых на с. 345, 346 в т. 1 и на с. 83, 84 в т. 2 «Илиона», эти грубые орудия, которые обычно называют зернодробилками, очень часто встречаются и в итальянских террамарах, и многие из них можно увидеть в музеях Реджио и Пармы; другие, найденные среди древних руин в Халдее, находятся в небольшой халдейской коллекции Лувра.

Я также собрал большое количество жерновов из трахита, подобных тем, что изображены в т. 1 «Илиона» на рис. 74, 75 и на рис. 678, которые в изобилии встречаются во всех четырех нижних доисторических городах Трои. Помимо мест, упомянутых на с. 342 в т. 1 «Илиона», они также часто попадают и в террамаре Эмилии, и большое их количество можно увидеть в музеях Реджио и Пармы; другие, найденные в Каверна-делле-Арене-Кандиде близ Генуи, хранятся в Национальном музее в Колледжио Романо в Риме. Шесть похожих жерновов из железистого песчаника находятся в музее Сен-Жермен-ан-Ле; в Доисторическом музее Женевы их четыре: они были найдены в швейцарских озерных поселениях. Множество подобных жерновов из трахита недавно были обнаружены в самых нижних слоях руин афинского Акрополя.

В «Илионе» (т. 1, с. 342, 343) я уже объяснял тот факт, что зерно дробили между плоскими сторонами двух таких жерновов, но таким образом можно было получить только что-то вроде каши⁶⁷, а отнюдь не муку, и это раздавленное зерно нельзя было использовать для изготовления обычного хлеба. Далее я указывал на то, что у Гомера мы читаем, как из дробленого зерна варили кашу, а также посыпали этой «мукой» жареное мясо⁶⁸. Могу также добавить, что, согласно другому пассажи у Гомера, его использовали в качестве ингредиента особого смешанного напитка, который Гекамеда приготовляет в палатке Нестора из прамнейского вина, поджаренного козьего сыра и дробленого ячменя (σιτος)⁶⁹. Хотя из этого дробленого

⁶⁷ II XVIII. 558–560.

⁶⁸ Od. XIV. 76, 77.

⁶⁹ В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра Теркою медной и ячной присыпала белой мукою. (II. XI. 638–640.)

зерна и нельзя было испечь обычный хлеб, такой как у нас, однако из него, должно быть, готовили и что-то такое, что можно было назвать хлебом ($\mu\lambda\eta$) и который в гомеровских поэмах мы всегда находим на столе как необходимый для всех приемов пищи атрибут. Поэт нигде не говорит, как его делали или какой была его форма, он даже не упоминает о печах, которые, конечно, не были обнаружены и в руинах Трои. Я могу предположить, что гомеровский хлеб, возможно, изготовлялся тем же самым способом, что делают свой хлеб, как мы видим, в пустыне бедуины: замесив тесто, они выделывают из него нечто вроде блинчиков, которые бросают на угли костра, зажженного на открытом воздухе, где они выпекаются почти мгновенно. О подобном способе изготовления хлеба, как кажется, говорит и тот факт, что кожаные мешки, наполненные такой пищей, брали в путешествие для использования в дороге: так, мы, например, видим, что, когда Телемах готовится к своему путешествию в Пилос, он приказывает Евриклее положить ему двадцать мер этой пищи в кожаные мешки⁷⁰. Профессор В. Хельбиг⁷¹ привлекает внимание к тому факту, что, как я уже говорил применительно к троянцам, у обитателей деревень террамар нет никаких признаков каких-либо устройств для приготовления хлеба, и он считает, что из этого нужно сделать вывод, что они, как и германцы, готовили нечто вроде каши из раздавленных зерен. Хельбиг добавляет: «Во время общественных жертвоприношений у римлян, которые здесь, как и почти везде, соблюдали древний обычай, приносили в жертву не хлеб, а поджаренные зерна пшеницы спельты – *far tostum*, муку, приправленную солью (*mola salsa*) или кашу – *puis*. Варрон⁷² и Плиний⁷³, таким образом, совершенно правы, когда говорят, что в течение долгого времени римляне не знали никакой другой еды из зерен, кроме *puis*. Только в сравнительно позднюю эпоху вошли в общее употребление дрожжи, добавление которых столь необходимо, чтобы превратить муку в полезный и вкусный хлеб. В то время, когда римляне создавали кодекс поведения для главного жреца Юпитера (*Flamen Dialis*), они все еще считались необычным нововведением: ибо жрецу запрещено было даже трогать «муку, пропитанную закваской» (*farinam fermento imbutam*)⁷⁴. Традиция сохранила следы того, что в древнейшую эпоху итальянской истории не существовало даже подобающих инструментов для перемалывания муки, ибо более совершенное приспособление – *mola versatilis*, верхняя часть которой поворачивалась над нижней с помощью ручки, была, согласно Варрону⁷⁵, изобретением вольсинийцев. Таким образом, эта традиция предполагает, что в более древнюю эпоху люди использовали более несовершенные средства, возможно, просто два камня, такие, как те, что употребляли древние обитатели деревень-террамар для того, чтобы давить зерно. Здесь я могу напомнить читателю, что одинаковые греческие и латинские слова – $\mu\lambda\eta$ = *mola* (мука), $\pi\iota\sigma\sigma\omega$ = *pinso* (толочь), $\pi\lambda\tau\omega\varsigma$ = *puls* (каша), доказывают, что греко-италийцы использовали зерновые тем же самым образом, что и обитатели деревень-террамар, факт, который имеет существенное значение для нашего исследования, поскольку среди всех итальянских поселений эти деревни по времени и пространству стоят наиболее близко к греко-италийской стадии цивилизации (*stadium*)».

⁷⁰ Также и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаную Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать Мер... (Od. II. 354, 355; здесь и далее цитаты из «Одиссеи» приводятся в переводе В.А. Жуковского.)

⁷¹ Helbig W. Die Italiker in der Po-Ebene. Leipzig, 1879. S. 17, 41, 71.

⁷² «Древнейшая еда – каша» (*de victu antiquissima puis*). Varro. De lingua latina. V. 105. (У Шлимана как источник этой цитаты ошибочно указан трактат Варрона «О сельском хозяйстве». – Пер.)

⁷³ «Очевидно, что долгое время римляне жили на каше (*puis*), а не на хлебе, поэтому и сегодня говорят «закуска» (*pulmentaria*)». Плиний. Естественная история, XVIII. 83. См. также: Ювенал. Сатиры, XIV. 171.

⁷⁴ Геллий Авл. X. 15, 19. Festus. P. 87, 13. Miiller.

⁷⁵ Процитировано у Плиния. Естественная история, XXXVI. 135. См. также комментарии Сервия к «Энеиде» Вергилия, I, 179.

В первом городе были найдены только две половины хорошо отполированных топоров с отверстием, похожих на рис. 91, из «Илиона». Что касается пил из белого или коричневого кремня как с одним, так и двумя лезвиями, подобных представленным на рис. 93–98 в «Илионе», то опять-таки огромное количество их было обнаружено во всех четырех нижних доисторических поселениях Трои. Помимо мест находок, перечисленных на с. 357–359 в т. 1 «Илиона», я должен упомянуть семнадцать подобных же пил, которые были найдены в нише в скале в Бейт-Сахуре близ Вифлеема в Палестине и которые хранятся в музее Сен-Жермен-ан-Ле. Несколько подобных кремневых пил были также найдены в уже упоминавшемся очень древнем гроте под названием Гротта-дель-Диаволо близ Болоньи⁷⁶. Несколько пил из силекса и ножи из него же и обсидиана, найденные в Варке и Мугейре в Ассирии, хранятся в Британском музее.

Опять-таки во всех четырех нижних доисторических поселениях Трои были найдены в большом количестве приспособления для полировки из серпентина, яшмы, диорита или порфира.

Рис. 13. Брошь из меди или бронзы со спиралевидной головкой. Масштаб 1:3. Найдена на глубине 14 метров

Рис. 12. Брошь из меди или бронзы с шарообразной головкой. Масштаб 1: 3. Найдена на глубине 14 метров

Если говорить о бронзе или меди, то в руинах первого поселения был найден только нож, подобный представленному на рис. 118 в «Илионе», несколько штемпелей, похожих на те, что показаны на рис. 109 и 110 в «Илионе», а также от двенадцати до пятнадцати брошей. У некоторых из них головка шарообразная, у других – в виде спирали. Здесь я показал одну из первых на рис. 12 и одну из последних на рис. 13, обе они согнуты под прямым углом. Броши обеих этих форм служили древним троянским поселенцам вместо фибул, которые никогда не встречаются ни в одном из пяти доисторических городов, ни в лидийском городе на Гиссарлыке: должно быть, они были изобретены в гораздо более поздний период⁷⁷. Заслуживает особого внимания и то, что броши из бронзы или меди с шарообраз-

⁷⁶ Botti Aw. *Ulderigo*. La Grotta del Diavolo. Bologna, 1871. P. 36. Inc. III.

⁷⁷ А. Дюмон и Ж. Шаплен (*Chaplain*), *Dumont A. Les Ceramiques de la Grece Propre*. Paris, 1881. P. 4) ошибочно утверждают, что в первом троянском городе были найдены фибулы; видимо, они приняли за фибулу небольшие плоские серьги

ными головками также очень часто встречаются в террамаре Эмилии, где фибулы еще никогда не находили⁷⁸. С другой стороны, эти броши никогда не находят в погребальных урнах-«хижинах», открытых в Марино близ Альбано и в окрестностях Корнето, в которых фибул очень много. Таким образом, представляется, что урны-хижины, которые обычно считаются очень древними, принадлежат к более позднему периоду, чем последний доисторический город, и даже к более позднему периоду, чем лидийское поселение Трои. В большинстве швейцарских свайных построек и броши с шарообразными головками, и броши со спиралевидными головками находят вместе с фибулами, из чего мы, естественно, должны сделать вывод, что эти островные поселения принадлежат к сравнительно поздней эпохе, ибо, как справедливо замечает профессор Рудольф Вирхов⁷⁹, фибула является «порождением» прямой броши. Этот ученый также обнаружил фибулы вместе с брошами со спиральными или шарообразными головками во время своих раскопок доисторического некрополя Верхнего Кобана на Кавказе⁸⁰, который принадлежит к IX или X веку до н. э.⁸¹ Я должен сказать то же самое о древнем некрополе Самтавро близ Мцхета, древней столицы Грузии, которая была раскопана Обществом любителей кавказской археологии⁸², где фибулы также встречаются вместе с брошами с шарообразными или спиралевидными головками. Далее я могу упомянуть, что бронзовая брошь со спиралевидной головкой была найдена на древнем кладбище на дороге Каттенборн в области Губена⁸³.

Я полагаю, что здесь уместно заметить, что у Гомера мы не находим какого-либо специального слова для обозначения металлов; однако в поэмах мы находим глагол $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\lambda\omega$ ⁸⁴, с которым связано позднейшее существительное $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\lambda\omicron\nu$, которое, как считали древние, происходит от $\mu\epsilon\tau\#\#\lambda\lambda\alpha$ ^{85*}. Следовательно, $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\lambda\alpha\nu$ означало «искать другие предметы» и $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\lambda\omicron\nu$ – разыскание, место, где происходит разыскание, и сам предмет поисков⁸⁶. Из этого развилось более специфическое значение – рудники, шахты, в которых искали металлы, минералы и т. д., и поэтому само обозначение $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\lambda\alpha$ было перенесено на минералы, и прежде всего металлы, полученные из рудников⁸⁷.

Обсудив подробно в т. 1 «Илиона» (с. 367–373) любопытный вопрос о том, где троянцы добывали свое золото, здесь я могу добавить, что г-н Калверт привлек мое внимание к пассажиру из Страбона, на который я не обращал внимания и согласно которому Деметрий из Скепсиса получил от Каллисфена и некоторых других авторов легенду, «что источником богатства Тантала и Пелопидов были рудники во Фрагии и Сипиле; богатства Кадма произошли от рудников во Фракии и на Пангее; богатства Приама – от золотых россыпей в Астирах близ Абидоса (незначительные остатки их сохранились еще и теперь; признаками древней разработки служат большие отвалы и шахты); богатства Мидаса – от рудников около

в виде полумесяца из очень тонкого серебряного листа, воспроизведенные в «Илионе» на рис. 122. Как и девять сережек аналогичной формы, сделанных из очень тонкого золотого листа, которые изображены на рис. 917 в «Илионе», эти небольшие серебряные предметы не могут быть ничем другим, кроме серег.

⁷⁸ Доктор Ингвальд Ундсет, однако, уверяет меня, что, тщательно осмотрев остатки террамары в Эмилии, он открыл в них фибулы, которых всего ему удалось собрать тринадцать.

⁷⁹ Virchow R. Das Graberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883. S. 24.

⁸⁰ Idem. P. 32. PL I, № 20; PL II, № 7.

⁸¹ Idem. P. 124.

⁸² Objets d'Antiquite du Musee de la Societe des Amateurs d' Archeologie au Caucase. Tiflis, 1877. P. 19. PL VI, № 9.

⁸³ Zeitschrift für Ethnologie, Organ der Berliner Gesellschaft für Anthrop., Ethn. und Urgeschichte. 14. Jahrgang. 1882. S. 392–396.

⁸⁴ II, I, 550, 553; III, 177; V, 516; X, 125; XIII, 780; Od. I, 231; III, 69, 243; VII, 243, 401; XIV, 128, 378; XV, 23, 361; XVI, 287, 465; XVII, 554; XIX, 115, 190; XXIII, 99; XXIV, 320, 477.

⁸⁵ * За другими (предметами) (греч.).

⁸⁶ Buttmann. Lexil. I. P. 140; Корке. Ueber das Kriegswesen der Griechen im heroischen Zeitalter. S. 40.

⁸⁷ Buchholz E. Die Homerischen Realien. Leipzig, 1873. S. 299.

горы Бермия; богатства Гигеса, Алиатта и Креза – от рудников в Лидии и в области между Атарнеем и Пергамом, где находится покинутый городок, на территории которого есть истощенные копи»⁸⁸. Далее г-н Калверт обратил мое внимание на пассаж из Плиния⁸⁹: «Неожиданно появляются и новые драгоценные камни, у которых нет имен: так, некогда в Лампсак в золотых рудниках был найден один камень, который из-за его красоты был послан царю Александру, о чем свидетельствует Феофраст»⁹⁰. Лампсак расположен не далее, чем в 30 км к северу от Абидоса и в 55 км от Илиона. Г-н Калверт также процитировал мне пассаж прославленного доктора Чандлера: «Основными странами, откуда греки добывали свое золото, были Индия, Аравия, Армения, Колхида и Троада». Мне приятно добавить, что г-н Калверт теперь исследует рудники Астиры, концессию на которые он получил от Блистательной Порты на девяносто девять лет.

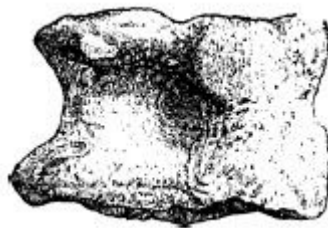

Рис. 14. Таранная кость (астрагал). Уменьшена в половину. Найдена на глубине около 14 метров

Было также обнаружено большое количество костяных шил и иголок и, кроме того, небольшие предметы из слоновой кости, подобные тем, что представлены в т. 1 «Илиона» на с. 378, рис. 123–140.

Помимо мест, перечисленных на с. 379 в т. 1 «Илиона», костяные иголки подобной формы были найдены в Гротта-дель-Диаволо близ Болоньи⁹¹, момент изготовления которых, как уже говорилось выше, датируется первой эпохой северного оленя. Они также встречаются в террамаре Эмилии.

Таранные кости (астрагалы) встречаются во всех доисторических городах Трои, и профессор Р. Вирхов обнаружил несколько таких костей в доисторическом некрополе Верхнего Кобана на Кавказе, но все они были прорытены⁹².

Таранная кость, изображенная в «Илионе» на рис. 142, была плохо сфотографирована, и я воспроизвожу здесь на рис. 14 еще одну, которая была найдена в руинах первого города.

По руинам первого поселения невозможно с точностью сказать, было ли оно мирно оставлено своими обитателями или же было разрушено рукою врага, поскольку здесь нет следов ни частичной, ни общей катастрофы.

⁸⁸ Страбон. XIII. С. 680. Цитата из Страбона приводится в переводе Г.А. Стратановского.

⁸⁹ Естественная история. XXXVII, 74.

⁹⁰ De Lapidibus.

⁹¹ Botti Aw. Ulderigo. La Grotta del Diavolo. Bologna, 1871. P. 36. Inc. IV, fig. 15.

⁹² Virchow R. Das Graberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883. S. 21. Bl. IX, fig. 16.

Глава III

Второй город; собственно Троя; «Илион» Гомеровской легенды

Мои архитекторы доказали мне, что я, вместе с месье Бюрнуфом, моим сотрудником в 1879 году, неверно различил и разделил руины двух следующих поселений, второго и третьего: мы правильно считали фундаментами, относящимися ко второму городу, стены из больших блоков глубиной 2,5 метра (помечены *q*, R на плане III в «Илионе»), однако мы ошиблись, не связав с ним слой обожженных руин, который лежит непосредственно над этими стенами и относится ко второму городу, и приписали этот сожженный слой третьему поселению, с которым он не имел ничего общего. К этой ошибке нас подтолкнули огромные массы руин из обожженных, или, правильнее, обгоревших кирпичей второго города, которые жители третьего города в очень многих местах не стали убирать, и они находились на одном уровне с основаниями их домов, и часто даже гораздо выше. Эти руины из обгорелых кирпичей отчасти происходят из домов, уничтоженных страшным пожаром, а отчасти это остатки кирпичных стен, которые, после того как их полностью сложили из необожженных кирпичей, были искусственно обожжены с помощью большого количества дров: их сложили по обеим сторонам стены и одновременно подожгли. Таким образом, сгоревший город как таковой – это, следовательно, не третий, а второй город, все здания которого были полностью разрушены, но, поскольку на нем немедленно был построен третий город, слой руин второго зачастую не так уж велик, и в некоторых местах толщина этого слоя едва достигает 0,2 метра. Фундаменты домов жителей третьего города были вкопаны в обгорелые руины второго, и поэтому мы ошибочно приписали эти руины третьему поселению, с которым они не имеют ничего общего.

За наклонными слоями руин первого города толщиной 2,5 метра (см. N – N на плане III в «Илионе») на акрополе следует слой земли толщиной 0,5 метра, который не содержит никаких следов стен и проходит над ними без пробелов; это доказывает, что город был заброшен и в течение долгого времени никакого строительства здесь не велось. Над этой землей мы видим слой руин из обожженных кирпичей толщиной 0,25 метра, который можно проследить в большой северной траншее (план III в «Илионе») почти по всей длине и который происходит из самого основания второго города. Это поселение развивалось в тот город, что стоял здесь в момент страшной катастрофы, постепенно: во многих его строениях мы видим значительные изменения, которые я подробно опишу на следующих страницах. Первая и наиболее замечательная перемена, введенная вторыми поселенцами, перемена, которая говорит об их удивительной строительной активности, – то, что они почти полностью сровняли участок строительства, который до этого наклонялся к северу. Для этого они подняли землю на южной стороне на 0,5 метра, а на северной – на 3 метра, в то же самое время они значительно растянули участок акрополя в южном направлении. Строить большие здания непосредственно на этой «рабочей площадке» было нельзя: поэтому их снабдили фундаментами из крупных и мелких камней, вкопанными на глубину 2,5 метра (см. *q*, R на плане III в «Илионе»), которые стояли на более старой и плотной почве. Эти фундаменты, в которых мы, как нам раньше казалось, распознали засыпки воронкообразных отверстий, сделанных дождевой водой, особенно ясно видны на юго-восточной стороне большой северной траншеи (см. *q*, R на плане III в «Илионе»). Непосредственно под этими фундаментами мы находим пол дома из крупной белой гальки, который доходил до самой стены на северной стороне, значительную часть которого можно все еще видеть в северо-восточном углу моей большой северной траншеи (см. V на плане III в «Илионе»). Этот необычный пол должен

был, естественно, принадлежать одной из первых построек, сооруженных здесь вторыми поселенцами.

Эти люди окружили свое поселение на холме Гиссарлык большой крепостной стеной, которая сохранилась на южной и юго-западной стороне и служила фундаментом для большой кирпичной стены. Фундамент состоит из бутового камня длиной в среднем 0,45 м и шириной 0,25 м, который довольно беспорядочно сложен в легко распознаваемые горизонтальные ряды без какого-либо связующего вещества. Он показан темным цветом на плане VII в этой книге. Весьма замечательна прекрасно сохранившаяся южная часть этой большой стены крепости, которая помечена *c* на плане VII в этой книге, а также на плане I и на рис. 144 в «Илионе», эту стену мы теперь обнаружили на значительном расстоянии далее в северо-восточном направлении; поскольку, как доказывает позднее построенная стена *Б*, она, очевидно, принадлежит к первому периоду истории второго города и имеет башню (помеченную *О* на плане VII), которая соответствует башне *ow* в северо-западном углу больших южных ворот *NF*, а также двум башням – *p* и *pw* к северо-западу от ворот *FM* и *RC* (см. план VII). Нельзя сказать, как могла выглядеть верхняя часть этой стены, поскольку мы не нашли ни малейших ее следов. Верхняя часть, возможно, была разрушена самими вторыми поселенцами, которые заполнили наклоненный внутрь угол своего акрополя, воздвигнув новую большую стену *b* (см. план VII в этой книге и план I, а также рис. 144 в «Илионе»). Разрушение верхней части стены *c* не могло произойти в ходе великой катастрофы, поскольку большой промежуток между стенами *c* и *b* не содержит каких-либо кусков кирпичей, но только черную землю и гравий, которым он был заполнен. Передняя часть стены *c* наклонена под углом 45°; другая сторона вертикальна. Несмотря на самые усердные разыскания, мы не смогли обнаружить, как идет стена *c* на северо-восточной стороне. Однако по направлению слоев щебня в траншее *S S*, мои архитекторы с достоверностью установили, что более древняя стена акрополя второго города находилась дальше к западу, чем продолжение позднейшей стены *Б*, и, следовательно, новая стена цитадели должна была расширить акрополь на восточной стороне. Далее мы обнаружили стену *b* в южном и восточном направлении, а она, как мы уже говорили выше, принадлежит ко второму периоду второго города. Все стены первого периода второго города на плане VII помечены черными чернилами, стены второго периода окрашены красным. На рис. 15 я даю вид на продолжение этой стены (см. план VII, *OZ*) на западной стороне юго-западных ворот. Здесь она построена под восходящим углом 60°; высота наклона – 9 метров, а высота по перпендикуляру – 7,5 метра. На северной стороне фундамент большой стены акрополя состоял из гораздо более крупных блоков, некоторых из которых доходили до 1 метра в длину и ширину.

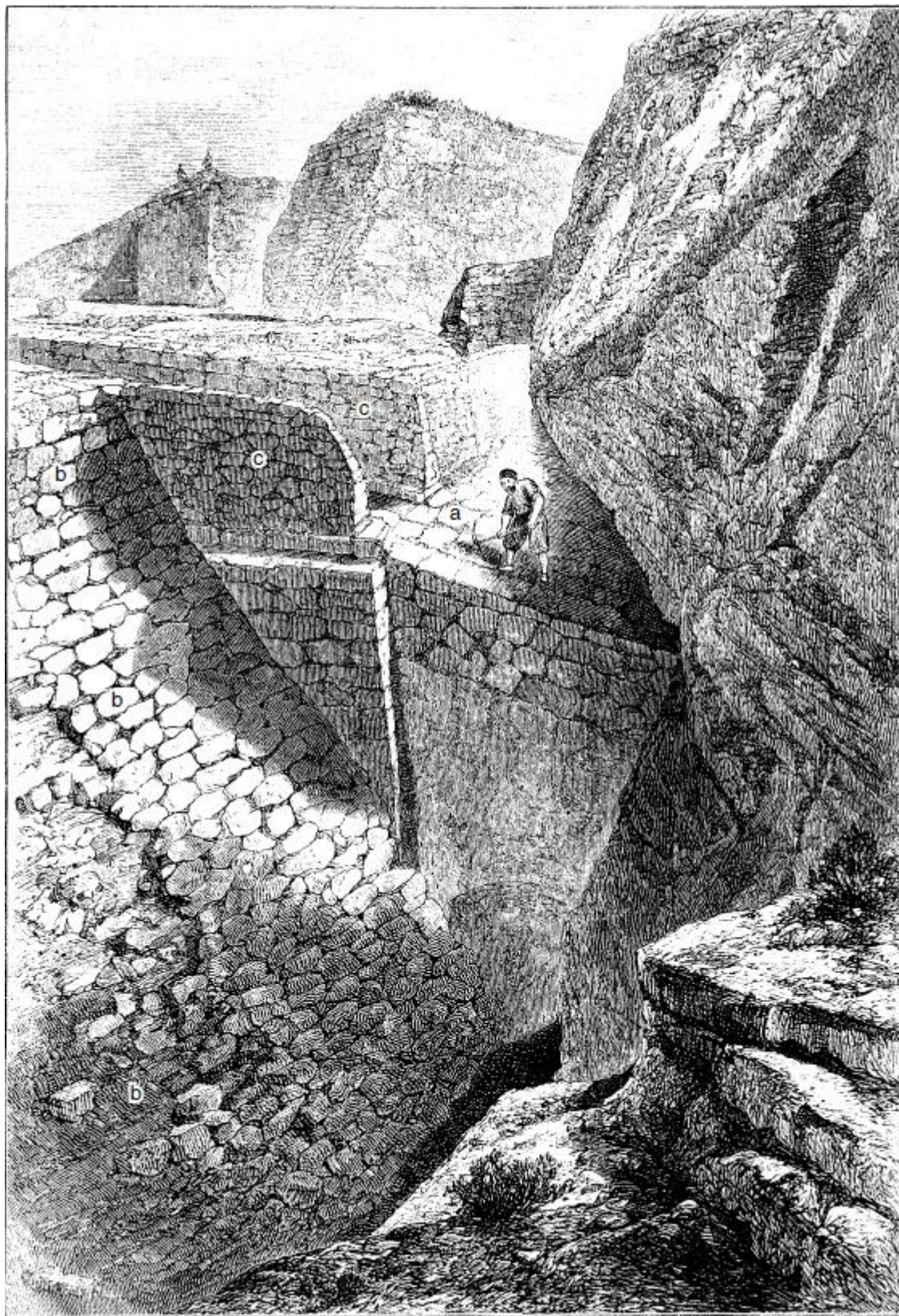

Рис. 15. Вид на большую нижнюю стену акрополя второго города с западной стороны рядом с юго-западными воротами: а – замощенная дорога, которая ведет от юго-западных ворот на равнину и которая помечена TU на плане VII и на рис. 17; h – продолжение большой стены акрополя второго города на западной стороне от юго-западных ворот; с – основание

мощеной дороги и прямоугольной опорной конструкции, которая укрепляет ее, помеченное Y на плане VII и на рис. 17

Однако на этой стороне, раскапывая в 1872 году большую северную траншею, мне пришлось эту стену разрушить. План всей стены акрополя образовывал правильный многоугольник с прямыми углами, выдающиеся углы которого были укреплены башнями. Эти башни стояли на приблизительно равном расстоянии друг от друга – чуть больше 50 метров; в этой мере мы, безусловно, должны признать 100 древних троянских локтей, хотя точная длина троянского локтя нам неизвестна. По аналогии с восточным и египетским локтями можно, однако, сказать, что она составляла чуть более 0,5 метра. Я обращаю особое внимание на тот факт, что по этому расчету ширина ворот RC и FM составляет точно 10 локтей; вестибюль постройки А – точно 20 локтей в длину и ширину. Форму выдающихся башен нельзя точно определить, поскольку теперь только на восточной, южной, юго-западной и восточной сторонах сохранились напоминающие башни выступы (GM, OW, O, p и pw на плане VII), на которых некогда стояли сами башни; возможно, большинство из них были квадратными.

Здесь я могу упомянуть стену гомеровской Трои, которая также была снабжена многочисленными башнями⁹³. Мы обнаружили, что все эти стены-фундаменты, за исключением стены с, были еще надстроены более-менее хорошо сохранившимися кирпичными стенами, и можно с уверенностью утверждать, что все они относились ко второму городу и просто были починены жителями третьего. Это кажется еще более вероятным, поскольку на восточной стороне кирпичная стена второго города по большей части удивительно хорошо сохранилась и все еще доходит до 2,5 метра в высоту. Следовательно, жителям третьего города нужно было только починить в некоторых местах верхнюю часть разрушенной стены акрополя, чтобы снова ее использовать. Поэтому мы также можем считать достоверным, что великое сокровище, обнаруженное мною в точке Д⁹⁴ в конце мая 1873 года, хранилось в кирпичных руинах второго города; это еще более вероятно, поскольку, раскопав стену фундамента до основания, мы обнаружили точно в этом месте башню второго города (p на плане VII). Возможно даже, что этот кирпичный щебень, в котором было найдено сокровище, представлял собой настоящую кирпичную стену. Я обращаю особое внимание на факт, что непосвященному практически невозможно отличить троянский щебень и троянскую кирпичную кладку, и очень может быть, что то, что я назвал «красными обгоревшими руинами», на самом деле представляло собой кирпичную стену. Более того, даже очень возможно, что все пространство между западной городской стеной (O Z на плане VII) и большим домом третьего поселения, помеченным H S (который, из-за богатства, найденного рядом с ним, я обычно приписывал городскому старейшине или царю), оставалось заполненным щебнем от второй стены города, который третьи поселенцы не убрали, и что множество сокровищ, найденных мною здесь в 1878 и 1879 годах, содержалось именно в этом слое. То, что глубокий слой кирпичного щебня в этом месте относился ко второму городу, как кажется, определенно доказывают два факта: во-первых, то, что на этой стороне здания H S нет двери, и, во-вторых, то, что отсутствует покрытие стены на той стороне стены дома, которая повернута к стене крепости O Z, поскольку такое покрытие имеется на обеих сторонах всех других стен дома, а также на внутренней стороне его западной стены. Но еще более весомое доказательство того, что все сокровища принадлежат не к третьему, а ко второму, сожженному городу, заключается в самом виде более чем 10 000 предметов, из которых они состоят,

⁹³ Вестники Зевсу любезные, вы объявите, да в граде Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы Трои святую кругом стерегут с богосозданных башен... (II. VIII. 517–519.)

⁹⁴ См. план I в «Илионе».

ибо каждый из этих предметов, вплоть до малейшей золотой капельки, носит очевиднейшие следы неистового огня, через который они некогда прошли. Однако эти следы жара еще более очевидны на бронзовом оружии, чем на золотых орнаментах. Таким образом, например, из оружия, найденного в крупнейшем золотом кладе, один бронзовый кинжал (рис. 813 в «Илионе») полностью свернулся в огне, масса наконечников копий, кинжалов и боевых топоров (рис. 815 в «Илионе») сплавилась от немыслимого жара, есть, кроме того, наконечники копий, которые сплавилась с боевыми топорами (рис. 805, 807 в «Илионе»), а также копье и боевой топор, который плотно пристали к медному котлу (рис. 800 в «Илионе»).

Толщина сохранившейся кирпичной стены (NN) на восточной стороне акрополя составляет от 3,5 до 4 метров, и высота все еще доходит до 2,5 метра, однако мои архитекторы, исходя из ее толщины, предполагают, что первоначальная ее высота составляла по меньшей мере 4 метра, и они думают, что, несомненно, верхняя часть стены цитадели имела такую же высоту и толщину по всему периметру.

Конструкцию этой кирпичной стены можно лучше всего распознать на восточной стороне, где на нее открывается прекрасный вид из большой северо-восточной траншеи (S S). Она состоит из фундамента, более или менее глубокого, из необработанных известковых камней, на котором была воздвигнута собственно стена из кирпичей. Особенно замечательна манера изготовления последней. Посетители могут лучше понять следующее описание, сравнив его с вышеупомянутой башней GM. Набросок 16 дает разрез этой башни, ширина которой составляет около 3,5 метра, она выдается из стены примерно на 2 метра.

Глубина фундамента этой стены и башни составляет всего лишь от 1 до 1,5 метра и состоит из известняковых камней длиной и шириной в среднем по 0,25 метра, связанных глиной. На этом фундаменте была воздвигнута собственно стена из высушенных на солнце глиняных кирпичей; к материалу было подмешено большое количество соломы. Высота кирпичей в среднем составляет 0,09 метра при ширине 0,23 метра, их длину установить точно невозможно, поскольку очень трудно распознать соединения, но возможно, она составляла около 0,45 метра. В качестве цемента использовали весьма высококачественную светлую глину, смешанную с соломой или сеном, которую положили на толщину от 10 до 15 миллиметров как на горизонтальные, так и на вертикальные соединения. В кирпичях мы обнаружили множество маленьких фрагментов керамики и массу крошечных ракушек, которые доказывают, что глину не очищали, а использовали для изготовления кирпичей в том виде, в каком нашли.

Чтобы сделать эту стену из высушенных на солнце кирпичей более прочной, ее искусственным образом обожгли прямо на месте, с помощью сильного огня, который зажгли на ее западной стороне. На восточной стороне из-за крутого склона то же самое сделать было нельзя. Стену нельзя было обжечь насквозь из-за ее значительной толщины, поскольку жар не мог проникнуть внутрь. Чтобы добиться этого, во внутренней части стены на разной высоте были проделаны канавки высотой и толщиной 0,3 метра, устройство которых можно видеть на рис. 16. Однако стену, разумеется, нельзя было обжечь таким образом равномерно по всей толщине: кирпичи вдоль канавок сплошь обожжены, в то время как кирпичи на восточной стороне совершенно сырые и необожженные. На многих кирпичях можно наблюдать отдельно различные стадии обжига: в то время как часть их, повернутая к канавке, была обожжена полностью, часть, повернутая в другую сторону, носит лишь легкие следы обжига или вообще никаких. Весьма интересно проследить действие огня по канавкам. Доктор Дерпфельд заметил вдоль канавки сначала круг, который был раскален полностью и докрасна и теперь окрашен в светлый цвет; за ним идет черное кольцо, которое получило свою окраску от черного дыма. Еще дальше от канавки кирпичи полностью обожжены и окрашены в красный цвет: соединения, которые состояли из другого материала, светло-красные. Чем дальше кирпичи отстоят от канавки, тем менее красный у них цвет и тем меньше

в них проник обжиг. В менее обожженной или плохо обожженной части стены ракушки, содержащиеся в кирпичах, сохранили свой белый цвет, в то время как в местах, которые были обожжены полностью, они почернели от огня. С обеих сторон стена имеет глиняное покрытие толщиной 1 миллиметр. Весьма вероятно, что кирпичная стена второго города была по всей длине построена подобным же образом; однако это, конечно, первый когда-либо найденный образец стены цитадели, которая была построена из необожженных кирпичей и обожжена прямо на месте.

Причина, по которой большая кирпичная стена на восточной стороне имеет каменный фундамент высотой всего 1 или 1,5 метра, та, что высокая стена фундамента здесь была и не нужна из-за крутого обрыва, заменявшего ее, кроме того, подножие кирпичной стены находилось точно на одном уровне с верхней частью каменных стен фундамента на других сторонах акрополя.

В то время как вся стена акрополя была еще целой и когда на гигантском фундаменте все еще покоилась кирпичная стена, увенчанная многочисленными башнями, она должна была выглядеть очень величественно, в особенности на высокой северной стороне, которая смотрит на Геллеспонт; и именно это могло заставить троянцев приписывать ее сооружение Посейдону⁹⁵ или же Посейдону и Аполлону⁹⁶.

Однако легенда, по которой стены Трои были построены Посейдоном, может иметь и гораздо более глубокое значение, ибо, как остроумно показал мистер Гладстон⁹⁷, связь с Посейдоном часто обозначает связь с Финикией; и далее, как доказал Карл Виктор Мюлленхоф в своих «Немецких древностях»⁹⁸, Геракл – это символ финикийцев, и миф о его походе на Илион⁹⁹ может указывать на раннее завоевание и разрушение этого города финикийцами, точно так же как и постройка стен Трои Посейдоном может указывать на то, что они были построены финикийцами.

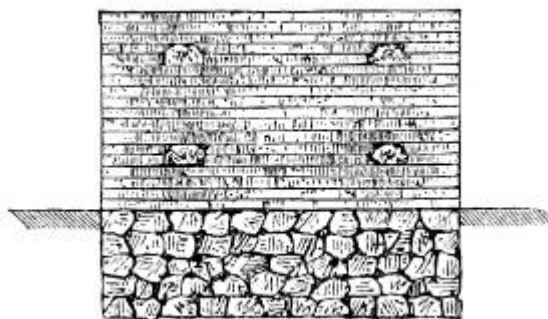

Рис. 16. Разрез башни GM на восточной стороне акрополя; показано устройство канавок для искусственного обжига кирпичной стены

Это второе поселение на холме Гиссарлык состояло только из акрополя, к которому с востока, юга и юго-запада прилегал нижний город. Существование нижнего города доказывает, во-первых, стена, которая идет в восточном направлении (см. В на рис. 2 в «Илионе») и которая является не наклонной, как крепостная стена акрополя, а построена вертикально

⁹⁵ II. XXI. 435–446.

⁹⁶ II. VII. 452, 453.

⁹⁷ См.: Gladston. Preface // Schliemann. Mycenae. P. VIII, XXIV; Gladston. Homeric Synchronism. P. 42, 43, 177.

⁹⁸ Christ W. Die Topographie der Troianischen Ebene. S. 225.

⁹⁹ Он (Геракл), приплывши сюда, чтоб взискать с Лаомедона коней, Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой, Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил! (II. V. 640–642.)

и состоит из больших необработанных блоков, соединенных с маленькими. Эта крепостная стена идет от акрополя в восточном направлении и, следовательно, не может принадлежать самой цитадели. Второе доказательство существования нижнего города – это большие массы доисторической керамики, которая, как мы уже упоминали, встречается в самых нижних слоях руин на плато под холмом; ибо по форме, текстуре и материалу эта керамика идентична с керамикой первого и второго поселения на Гиссарлыке. В качестве третьей причины для существования нижнего города я могу упомянуть, что акрополь второго города имел трое ворот (RC и FM, NF и OX на плане VII). Я подчеркиваю тот факт, что двое из этих ворот должны были, во всяком случае, использоваться одновременно, поскольку если бы нижнего города не было, то, принимая во внимание сравнительно небольшую площадь цитадели, ее было бы намного легче защищать, если бы ворота были только одни. Однако еще более важная причина для существования нижнего города обнаруживается в количестве и плане построек, расположенных на акрополе, которых могло быть только шесть и которые спланированы с большим размахом.

Однако поскольку ни один из последующих городов, вплоть до основания эолийского Илиона, не имел нижнего города и поскольку все они ограничивались прежним Пергамом, за исключением пятого поселения, которое простиралось несколько за его пределы (см. главу IV, § 3), то место, где располагался нижний город второго поселения, было оставлено на протяжении веков. Его руины оставались заброшенными; кирпичные стены развалились, камни их фундаментов и фундаментов домов использовали для новых построек акрополя, и я не вижу тут ничего, что противоречило бы традиции, сохраненной Страбоном¹⁰⁰, согласно которой митиленец Архианакт построил стены Сигея из камней Трои; ибо под этим, конечно, могли иметься в виду только камни нижнего города второго поселения и, возможно, именно камни городских стен. Таким образом, вполне естественно, что, несмотря на многочисленные и обширные раскопки, которые я производил на месте нижнего города Илиона – за исключением городских стен, представленных на рис. 2 В в «Илионе», – я не обнаружил никаких фрагментов стен, принадлежавших к нижнему городу второго поселения; однако во многих местах я нашел платформу из скалы, на которой они должны были стоять и которая была специально сровнена именно для этой цели.

Теперь мы не можем точно определить, на какое расстояние простирался нижний город. Показывая его стены, которые мы обозначили на плане VIII пунктирными линиями, мы руководствовались двумя их соединениями со стенами акрополя. На северо-восточной стороне это вышеупомянутая стена из больших известняковых блоков в траншее W¹⁰¹; на западной стороне соединение находится в том месте, где также и в македонское и римское время стена нижнего города соединялась со стеной акрополя. В остальном мы руководствуемся структурой почвы и керамикой, относящейся ко второму городу.

В «Илионе» (рис. 1480) я дал изображение таинственной пещеры, расположенной как раз сбоку от нижнего города, примерно в 300 ярдах к западу от холма Гиссарлык, в месте, где земля Илиона постепенно отклоняется от городской стены вниз на равнину (см. план VII); она расположена под выдающейся скалой, увенчанной тремя фиговыми деревьями, которые выросли из одного корня. Раскопав ее в 1879 году, я обнаружил сводчатый проход шириной 3 метра и высотой 1,68 метра, вырубленный в известковой скале. Примерно в 10 метрах от входа находится вертикальное отверстие диаметром 1 метр, искусственно вырубленное в нависающей сверху скале; несомненно, оно служило для доступа воздуха и света. На расстоянии 18 метров от входа большой проход разделяется на два очень узких и один широкий; ширина первого такова, что в него может войти только один человек; третий про-

¹⁰⁰ Страбон. XIII. С. 599.

¹⁰¹ См. план I в «Илионе».

ход, который поворачивает к северу, почти так же широк, как и основной; из двух других один поворачивает к востоку, другой – к юго-востоку.

Когда мои архитекторы тщательно раскопали в 1882 году пространство перед пещерой, а также саму пещеру и три узких прохода, мы обнаружили, что проходы, которые поворачивают к востоку и юго-востоку, имеют примерно такую же длину, что и большой проход, а именно 18 метров, однако тот проход, что поворачивает к северу, несколько короче; что в конце каждого из этих проходов находится источник, вода из него вытекает в большую галерею и в римские времена ее отвели с помощью глиняной трубы. Однако поскольку во многих местах эта труба оказалась разбитой, мои сотрудники и я в 1879 году ее даже не заметили и сочли, что вода вытекала через открытую канавку в полу в глиняную трубу, которую мы нашли снаружи. Однако теперь, вполне тщательно очистив большой проход от всей земли и грязи, которая все еще была там, под глиняной трубой в природной почве мы открыли весьма примитивный водопровод, построенный из необработанных известковых камней, выложенных без какого-либо связующего материала и покрытых подобными же плитами, который простирался по всей длине большого прохода и его северного ответвления. Он весьма похож на циклопический водопровод, обнаруженный мною в Тиринфе и Микенах (см. мои «Микены», с. 9, 80, 141). Этот канал был заполнен глиной и грязью, и возможно, так было еще с глубокой древности.

Этот водопровод, который, конечно, относится к глубокой древности, совершенно не был замечен людьми эолийского Илиона, поскольку они положили глиняную трубу высоко над ним, на землю, под которой был скрыт циклопический водопровод, и таким образом вода из трех источников должна была веками вытекать в большие бассейны, построенные из кирпичей и извести и, следовательно, относящиеся к римскому времени, которые мы обнаружили прямо перед входом и которые доказывают, что обитатели Илиона продолжали брать оттуда воду и стирать там одежду. Как только источники и водопровод были расчищены, они снова начали давать хорошую питьевую воду.

Теперь, предположив, что этих источников не было бы и нас бы попросили указать место, которое лучше всего подходило бы для местоположения двух троянских источников, втекавших в Скамандр с каменными бассейнами, в которых женщины Трои имели обыкновение стирать одежду и где происходил поединок между Гектором и Ахиллом¹⁰², то, конечно, мы должны были бы указать именно на это место, поскольку оно во всех своих деталях отвечает гомеровскому описанию. Фактически пещера с тремя источниками находится на великой равнине на западной стороне нижнего города Трои, непосредственно вне городской стены и немного к югу от впадины на земле между акрополем и нижним городом, в которой теперь идет дорога вверх, на Чиблак, и в которой всегда должна была находиться дорога к городу и акрополю и, следовательно, также Скейские ворота. Далее, как уже говорилось, водопровод очень близок к акрополю (около 300 ярдов), так что человек на стене должен был видеть, что происходит у источников, и даже мог позвать человека, который стоял бы около них. Кроме того, эти источники удовлетворяют необходимому условию – они близки к дороге (*#μαξίτός*)¹⁰³, которая вела от Скейских ворот, поскольку древняя дорога должна была непременно быть расположена так же, как и современная дорога, положение которой на восточной стороне определяется склоном, на западной стороне – болотом и древним руслом Скамандра. Однако мы находим еще более вескую причину для отождествления этих источников с гомеровскими в том факте, что они непосредственно и на расстоянии всего нескольких сотен ярдов впадали в Скамандр, и поэтому источники могли быть названы поэтом исто-

¹⁰² II. XXII. 147–364.

¹⁰³ II. XXII. 146.

ками этой реки¹⁰⁴, в то время как те три источника, которые все еще существуют на северной стороне Илиона, впадают в Симоент, и, возможно, поэтому троянцы называли их «источниками Симоента», чтобы отличить от источников Скамандра. По всем этим причинам, вполне убедившись, что Гомер никак не мог иметь в виду никаких других источников, кроме этих, мы попытались найти тут теплые источники, о которых он говорит¹⁰⁵, и с этой целью тщательно раскопали почву вокруг, однако наши изыскания были тщетны. Вода во всех трех источниках имеет единообразную температуру 15,6 °C (60,8 °F). Однако отсутствие теплого источника не должно нас удивлять, поскольку его уже не было во времена Деметрия из Скепсиса (210–180 до н. э.)¹⁰⁶, и он мог быть уничтожен землетрясением уже в глубокой древности или по какой-то причине превратился в холодный.

Ко многим доказательствам, которые я привел в т. 1 «Илиона» на с. 138–155 относительно отождествления древнего русла Скамандра с огромным руслом крошечной речушки Калифатли–Асмак, которая течет у подножия холма Гиссарлык и непосредственно на западной стороне от нижнего города Илиона, я могу добавить пассаж из Эсхила, где Кассандра, дочь Приама, патетически обращается к берегам Скамандра, на которых она привыкла играть в детстве. Как кажется, этот пассаж доказывает, что, по мнению Эсхила, Скамандр протекал у подножия Трои и, следовательно, считалось, что он идентичен с огромным ложем крошечной речушки Калифатли-Асмак, которая действительно протекает у подножия Гиссарлыка¹⁰⁷.

Ох, свадьба Париса, друзьям роковая!
Увы, о Скамандра святая вода!
Вот там на твоих берегах, возрастая,
Я, бедная, зрела тогда.

Юго-западные ворота акрополя второго города (R C на плане VII), план которых представлен на рис. 17, служили жителям западной части акрополя, и в частности, возможно, обитателям огромного здания непосредственно к северо-западу от них. Дорога к этим воротам спускалась от нижнего города под углом 20° по насыпи (TU на плане VII и на рис. 17) шириной около 8 метров, построенной из больших, грубо обработанных блоков и замощенной большими блоками известняка. Ворота были укреплены двумя четырехугольными контрфорсами (см. рис. 17 и план VII. Y, Y) по обеим сторонам дороги. Внутренняя ширина самих ворот составляла 5,15 метра. Боковые стены ворот (помечены vb на рис. 17 и плане VII) были сделаны из обожженных кирпичей и покоились на фундаменте из известняковых камней, который все еще сохранился. Архитектура этих ворот с определенностью доказывает, что сначала они имели всего один портал (обозначен RC на рис. 17 и темным цветом на плане VII), образованный двумя выдающимися четырехугольными колоннами (xx на плане VII и на рис. 17), к которым были привешены раздвижные ворота и фундаменты которых все еще существуют: они построены из необработанных камней, скрепленных глиной. Один из этих контрфорсов выступает на расстояние 0,83 метра, другой – на 0,92 метра, оба имеют высоту 1,08 метра и толщину 1,25 метра. Столбы, которые стояли на этих фундаментах, как и боковые стены, из которых они выступали, были сделаны из кирпичей и, несомненно,

¹⁰⁴ Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа... (II. XXII. 147, 148.) (Ксанф – «рыжий» – другое название реки Скамандр у Гомера. – *Пер.*)

¹⁰⁵ Теплой водою струится один, и кругом непрестанно Пар от него подымается, словно как дым от огнища... (II. XXII. 149, 150.)

¹⁰⁶ Страбон. XIII. С. 602.

¹⁰⁷ (Агамемнон. 1156–1159; перевод С.И. Радцига.)

вместе с ними служили для поддержки крыши, которая, судя по всему, была увенчана надстройкой из кирпичей.

Прямо перед древними воротами, отделенный от них открытым пространством, возможно улицей шириной около 6 метров, внутри акрополя стоял большой дом, который был разрушен вторыми поселенцами, когда они добавили к этим воротам второй портал (помечен FM на рис. 17 и красным цветом на плане VII) с далеко расходящимися боковыми стенами (*dz* на плане VII и на рис. 17), конечные торцы которых (*ps*, *ps* на плане VII и рис. 17) были укреплены деревянными *parastades*, хорошо обтесанные камни фундамента последних все еще стоят на своем месте. Вместо разрушенного здания, длинная стена фундамента которого все еще существует (*I t* на плане VII и на рис. 17), они воздвигли справа и слева от ворот новые здания, еще существующие фундаменты которых помечены на плане VII как *rb* и *rx* и нарисованы красным цветом.

Второй портал также состоял из двух выдающихся четырехугольных кирпичных колонн (м на рис. 17 и на плане VII), к ним присоединялись ворота и фундаменты из необработанных камней, сцементированных глиной, которые все еще существуют.

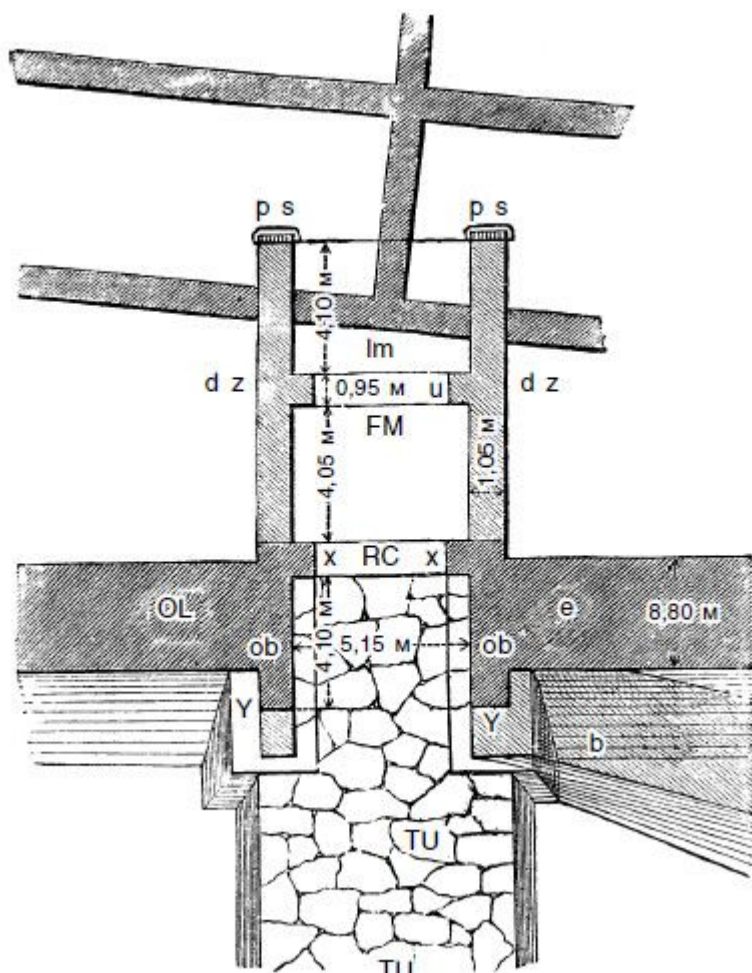

Рис. 17. План юго-западных ворот (масштаб 1: 333)

Их высота составляет 0,6 метра, ширина – более 0,9 метра, и они выдаются вперед примерно на 0,75 метра. Несомненно, похожее на башню верхнее строение продолжалось и над вторым порталом. Посетителю немедленно станет ясно, что эти ворота сооружались в два различных периода – стены более древней части построены из более крупных камней, а стены второй эпохи – из гораздо более мелких. Позднейшее добавление к южной части

ворот видно на рисунке 144 в «Илионе», справа от грека с лопатой; оно отделено от более древней части вертикальным соединением, которое простирается с верхней части стены до нижней. Вся каменная кладка первого периода второго города помечена на плане VII черным цветом, кладка второго периода – красным. Некоторые остатки кирпичей боковых стен все еще можно видеть на фундаментах. Я обращаю особое внимание посетителей на древнюю поверхность дороги в проеме ворот: она состоит из утопанной глины, остатки которой все еще видны между камнями фундамента боковых стен. Эта поверхность выше, чем квадратные основания колонн ворот, которые, следовательно, были не видны в то время, когда воротами пользовались. Вышеупомянутая насыпь (TU на плане VII и рис. 17) замощена большими камнями и плитами, и она постепенно поднималась к этому выложенному глиной проходу.

Гораздо более величественными были южные ворота (NF на плане VII), которые мы обнаружили на глубине 14 метров по вертикали ниже поверхности холма. В то время как юго-западные ворота расположены на уровне акрополя и дорога-насыпь (TU), замощенная большими плитами, поднимается из нижнего города, южные ворота были воздвигнуты у подножия холма акрополя, и дорога, которая ведет через них и поверхность которой состоит из утопанной глины, начинается только во внутренней части Пергама и постепенно поднимается на этот уровень, то есть на 4 метра выше. Поверхность легко можно распознать по угольям, которыми она везде покрыта. Как можно видеть на сопроводительном наброске на рис. 18, план этих ворот образует прямоугольник длиной 40 метров и 18 метров шириной, который выдается примерно на 18 метров из стены акрополя. По массивным стенам (xg на плане VII и на рис. 18), которые состоят из известковых бутовых камней с толщиной 7,5 метра на каждой стороне при высоте 4 метра, а также по разбитым кирпичам и сгоревшим деревянным бревнам, которыми заполнена вся дорога через ворота, можно с уверенностью заключить, что эти стены были всего лишь фундаментом и были увенчаны огромной верхней постройкой из кирпичей и дерева, о внешнем виде и конструкции которого мы, конечно, ничего не знаем. Однако фундаменты с обширным входом сохранились почти полностью. Кирпичи, которыми был заполнен проход, имели ту же высоту, что и кирпичи в постройке В, а именно 85 миллиметров, ширина их составляет 305 миллиметров. Не предполагая существования такого верхнего строения, мы не могли бы объяснить охвативший этот участок пожар, который был таким свирепым, что многие камни выгорели до извести, в то время как керамика либо рассыпалась, либо сплавилась в бесформенную массу.

Пройдя собственно ворота (fy на плане VII и на рис. 18), которые, возможно, имели двойной портал, мы входим в длинную галерею NF, ширина которой составляет 3,5 метра. Она ведет на верхнее плато, увенчанное главными строениями акрополя. Южные части их боковых стен (xg на рис. 18 и плане VII) построены из небольших известковых камней многоугольной формы, соединенных грубым раствором из глины и соломы, который был полностью обожжен и во всем идентичен цементу, использованному в постройке А.

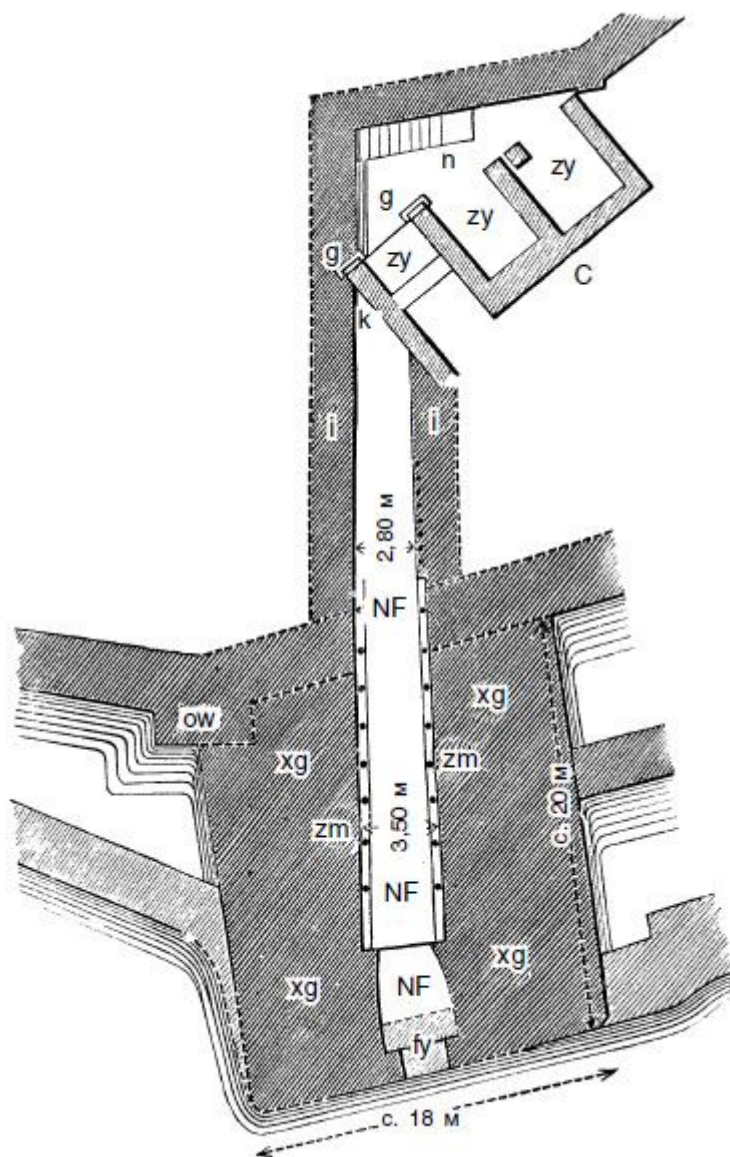

Рис. 18. План южных ворот (масштаб 1: 500)

Северная часть боковых стен (i на рис. 18 и плане VII) состоит из более мелких камней, более прямоугольных по форме, соединенных светлым глиняным раствором, который вполне совпадает с глиноцементным раствором, использованным в постройке В. (Об обеих этих постройках – А и В – я еще буду говорить на следующих страницах.) На внутренних сторонах боковых стен имелось глиняное покрытие, которое еще отчасти сохранилось. Стены, построенные таким образом, не могли бы поддерживать верхнюю постройку, тем более что их внутренние стороны были вертикальны, если бы они не были усилены деревянными столбами (zm на рис. 18), которые были поставлены вертикально у стен на расстоянии от 2 до 2,5 метра и значительные остатки которых видны и теперь, конечно в обугленном состоянии. Мы также распознаем их по отпечаткам, которые они оставили на стенах. Дабы укрепить их, они были вкопаны на глубину 0,5 метра в почву под воротами; их толщина должна была составлять 0,2 метра, поскольку таков диаметр отверстий, в которых они стояли. Во многих местах, где стояли эти деревянные столбы, жар, произошедший от их горения, был так велик, что камни сгорели до извести, которая под действием дождя слилась с покрытием стен в такую твердую и компактную массу, что нам было трудно даже разбить ее кирками.

Эти деревянные столбы служили двойной цели: во-первых, они подпирали и поддерживали нестабильные стены из бутового камня, и, во-вторых, они поддерживали балки потолка и верхнее строение. Но представляется, что, несмотря на все эти предосторожности, северная часть этих ворот (и на рис. 18 и плане VII) в какой-то момент рухнула или, по крайней мере, была очень близка к тому, поскольку на восточной стороне она была снабжена обкладкой, столбы от которой, состоявшие из двух стоявших бок о бок бревен, расположены в среднем через интервал 0,6 метра. Промежуточное пространство было заполнено бутовым камнем. Вся внешняя сторона обкладки имеет глиняное покрытие и замазана сверху еще тонким слоем глины.

В южной части ворот, там, где находится вход (*fu* на рис. 18 и плане VII), каменная кладка состоит из более крупных камней, соединенных глиняным раствором, несомненно, чтобы сделать ее более прочной. Представляется даже, что по той же самой причине эта стена была искусственно обожжена в качестве дополнительной предосторожности, поскольку глиняный раствор между камнями обожжен гораздо сильнее, чем наружное покрытие стены. Там, где дверной проем был покрыт верхней надстройкой, его стены были вертикальными, но на северном конце (*k* на рис. 18 и плане VII), там, где верхнее строение кончалось и где дорога шла на открытом воздухе, боковые стены были покатыми. Проход вел налево вверх к большим зданиям по насыпи (и на рис. 18 и плане VII), замощенной большими каменными плитами; сама дорога от ворот поворачивала направо, однако мы точно не знаем, как она заканчивалась в этом месте, поскольку более поздняя постройка (*C* на рис. 18 и плане VII) второго города, которая была возведена над северной частью ворот, помешала нам производить дальнейшие изыскания в этом направлении.

Я очистил ворота спереди на длину 45 метров и обнаружил, что в конце этого расстояния (*q* на плане VII) глиняная поверхность прекращается и дорога идет дальше по голой скале в нижний город. До этого места нам легко было обнаружить глиняную поверхность, поскольку она, как уже говорилось, везде была покрыта угольями. Эти ворота (*NF* на рис. 18 и плане VII) в любом случае были разрушены пожаром еще до великой катастрофы и так и остались после этого неиспользованными и погребенными; здание (*C* на рис. 18 и плане VII) второго города, которое было построено на них и над ними, не оставляет в этом никакого сомнения.

Взамен южных ворот непосредственно к востоку от них были построены новые большие ворота (*OX* на рис. 90 и на плане VII), хороший вид на которые дает рис. 19, эти ворота мы будем называть юго-восточными. Их план дан на рис. 90, в описании третьего города. Мы смогли лишь частично раскрыть эти ворота, поскольку третьи поселенцы воздвигли в 1,5 метра над ними новые, более узкие ворота, которые нам пришлось разрушить, чтобы раскопать ворота второго города. Таким образом, мы можем описать последние лишь частично. Их внутренняя ширина составляла 7,5 метра, а длина – в три раза больше. У них было два портала, которые оба помечены буквой *a* на рис. 19, на рис. 90 и на плане VII.

На переднем плане видна юго-западная боковая стена, она помечена буквой *b* на рис. 19 и так же на рис. 90 и *w* на плане VII. Те же самые буквы отмечают также и вторую боковую стену, которая была раскопана только на небольшом расстоянии и видна немного далее. Каменная кладка обеих этих стен состоит из необработанных известковых камней; ее толщина составляет около 2,5 метра. Верхние выдающиеся четырехугольные поперечные стены ворот (*v* на рис. 90 и на плане VII) также имеют толщину более 2,5 метра. Эти ворота направлены ко входу в два больших здания на северной стороне – *A* и *B*.

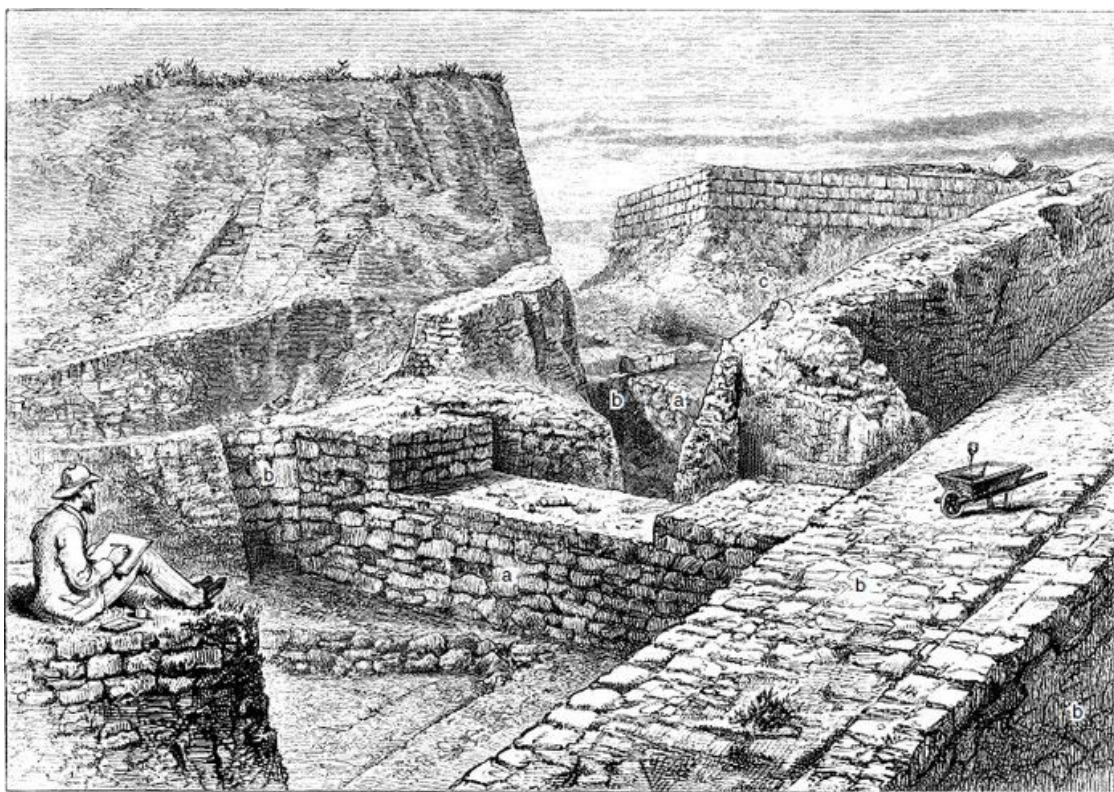

Рис. 19. Вид на руины юго-восточных ворот: *a* – поперечные стены с порталами; *h* – боковые стены; *c* – фундамент римских Пропилеев

Большая кирпичная стена, описанная выше (см. план VII NN), соединяется с этими воротами, от которых она простирается на северо-восток. Таким образом, вместо только одних ворот мы теперь нашли трое. Однако я должен напомнить читателю, что все эти трое ворот – это ворота акрополя Трои, о котором Гомер никогда не упоминает. Его Скейские ворота, как я уже говорил выше, находились не в Пергаме, но с западной стороны нижнего города, и через них люди выходили на великую равнину¹⁰⁸. В «Илионе»¹⁰⁹ я показал, что эти Скейские ворота являются единственными воротами нижнего города, упомянутыми в поэмах, что о других воротах упоминаний нет и что во всех случаях, когда Гомер упоминает о воротах ($\pi\#\lambda\alpha\iota$), употребляя множественное число, он имеет в виду две створки ворот, и, следовательно, только одни ворота. Принимая это во внимание, доктор Дерпфельд обращает мое внимание на надпись из Парфенона (*Corpus Inscriptionum Atticarum*, II. 708 и *Michaelis. Parthenon*. P. 316), в которой множественное число $\theta\#\rho\alpha\iota$ используется применительно к одной двустворчатой двери целлы Парфенона, перед нами полная аналогия вышеизложенной интерпретации троянских $\pi\#\lambda\alpha\iota$.

Как можно видеть на плане VII, на акрополе есть лишь несколько больших зданий, самыми замечательными из которых являются две постройки на северной стороне, из которых большую мы будем называть А, а меньшую – В. Слой обгорелых руин и щебня, который, как я уже говорил, во втором городе является хотя и повсеместным, но незначительным и часто достигает лишь 0,2 метра в глубину, в этих двух зданиях значительно глубже, но, однако, лишь потому, что кирпичные стены здания А имеют 1,45 метра в толщину, а здания

¹⁰⁸ Он приближался уже, протекая обширную Трою, К Скейским воротам (через них был выход из города в поле)... (II. VI. 392, 393.)

¹⁰⁹ С. 221–223.

В – 1,25 метра, и, следовательно, эти стены не так легко было разрушить; поэтому они произвели значительно большее количество мусора. Часть стен этих зданий все еще поднимается на высоту до 1,5 метра.

К зданию А относятся три блока кирпичей, помеченных Н на плане III в «Илионе», в которых мой бывший сотрудник месье Бюрнуф ошибочно увидел остатки большой городской стены. Эти два больших здания второго, сожженного города, скорее всего, были храмами; это в первую очередь явствует из их плана, поскольку по ширине они имеют только одно помещение; во-вторых, из сравнительно значительной толщины их стен; в-третьих, из того обстоятельства, что они стоят параллельно и близко друг к другу, будучи разделены коридором шириною всего 0,5 метра: ибо если бы они были жилыми домами, то у них, скорее всего, была бы одна общая стена – чего в древних храмах никогда не бывает. Оба здания построены из кирпичей, которые – как и вышеупомянутая крепостная стена второго города – были обожжены уже только после того, как стены были полностью воздвигнуты. Поскольку почва здесь ровная, то стены можно было обжечь как снаружи, так и внутри, однако эффект огня от дров, зажженных одновременно по обеим сторонам стен, был значительно усилен отверстиями, которыми стены были снабжены во всех направлениях. Некоторые из этих отверстий проходят прямо через стены; другие, которые можно скорее назвать канавками, сделаны по длине на внешней стороне стен, как показано на рис. 20. В храме А их можно видеть на внешней стороне стены в каждом четвертом слое кирпичей, так что нижняя канавка находилась непосредственно над каменным фундаментом (см. рис. 20, 21). Эти продольные канавки проникают в стену на глубину от 0,25 до 0,35 метра, и высота их составляет от 0,15 до 0,25 метра. На расстоянии около 4 метров друг от друга в стенах устроены перекрестные отверстия или каналы так, что один из них обязательно оказывается в углу залов. Таким образом перекрестные стены по обеим сторонам окружены такими перекрестными канавками в тех местах, где они соприкасаются с боковыми стенами (см. рис. 24). В храме В канавки организованы подобным же образом (см. рис. 20, 22, 23); единственная разница в том, что здесь продольные канавки находятся в шестом слое кирпичей (см. рис. 22) и перекрестные канавки расположены на более коротких расстояниях друг от друга, соответственно длине комнат.

Все эти продольные канавки, а также перекрестные отверстия первоначально были заполнены деревянными балками; это с величайшей достоверностью доказывает как их форма, так и отпечатки, которые ветки оставили в глиняном растворе. Однако весьма любопытно, что ни в одной из канавок или отверстий мы не смогли обнаружить ни малейших следов обугленного дерева. В некоторых редких случаях эти канавки и отверстия после искусственного обжига кирпичных стен были оставлены открытыми, то ли намеренно, то ли по небрежности; однако в целом их заполнили обожженным материалом для кирпичей, смешанным с оплавившимися кусочками кирпича, возможно, такими, как упали со стен во время операции обжига, поскольку в этих кирпичных осколках мы иногда находим фрагменты керамики.

В качестве дальнейшего доказательства того, что эти стены были построены из необожженного кирпича и были обожжены уже после постройки, могу сказать, что глиняный раствор между кирпичами был обожжен точно таким же образом, как и сами кирпичи, и далее, верхние части стен были обожжены лишь слегка. Это опять-таки доказывает фрагмент поперечной стены, которая содержит все еще совершенно необожженные глиняные кирпичи и верхние части боковых стен, которые упали внутрь здания: отчасти их кирпичи совершенно необожженные.

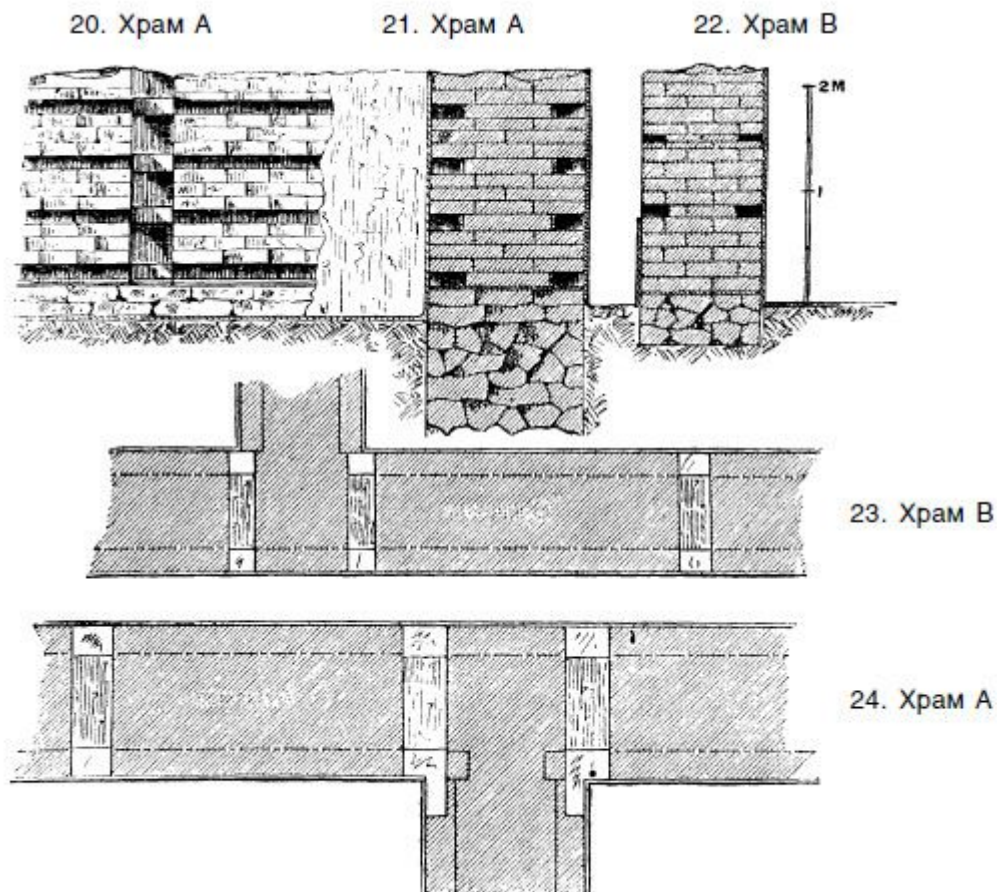

Рис. 20. Внешняя сторона стены храма А; показано устройство горизонтальных каналов и тех, что проходят через стену

Рис. 21. Разрез стены храма А; показано устройство горизонтальных канавок

Рис. 22. Разрез стены храма Б; показано устройство горизонтальных канавок

Рис. 23. План стены храма Б; показано устройство перекрестных канавок

Рис. 24. План стены храма А; показано устройство перекрестных канавок

Фундаменты кирпичных стен храма А состоят полностью из стен из необработанных известковых камней высотой 2,5 метра, которые покрыты большими плитами из известняка или песчаника, на которых покоились кирпичные стены. Эти фундаменты выдаются в юго-восточной части здания на 0,3 метра над полом; однако, поскольку пол постепенно поднимается к северо-западу, здесь фундаменты оказались на одном уровне с полом. Размер кирпичей составляет в среднем 0,45 метра в ширину, 0,67 метра в длину и около 0,12 метра в толщину. С кирпичами пропорции 2: 3 в ширину и длину стены легко можно было сложить таким образом, что вместе с соединениями толщину стены, то есть 1,45 метра, образовывали попеременно два и три кирпича. Ширина соединений варьируется от 0,02 до 0,04 метра. Материал, использованный для кирпичей, – это зеленовато-желтая глина, смешанная с соломой. Стены были, как снаружи, так и изнутри, покрыты слоем глины толщиной около 0,02 метра и оштукатурены очень тонким слоем глины. Пол состоял из слоя утоптанной глины толщиной от 5 до 15 миллиметров, который был положен одновременно с покрытием стен после того, как стену обожгли. Поэтому остатки угля от обжига стен найдены под полом.

Как можно видеть из плана, прилагаемого на рис. 25, храм А состоит из пронаоса, или вестибюля, помеченного р, который открывается на юго-восток, и собственно наоса (и). Длина последнего на чертеже (рис. 25) показана в 18 метров, поскольку мы подумали, что рядом с полукругом и находится принадлежащая зданию перекрестная стена. Однако, снова тщательнейшим образом исследовав участок, мои архитекторы пришли к выводу, что, исходя из устройства отверстий в боковой стене, весьма вероятно, что длина наоса (и) должна была составлять несколько более 20 метров и что, следовательно, отношение ширины здания к его длине составляет в точности 1: 2. Сейчас нельзя определить, была ли еще третья комната на северо-западной стороне (в соответствии с планом храма В), поскольку западная часть здания была отрезана большой северной траншеей.

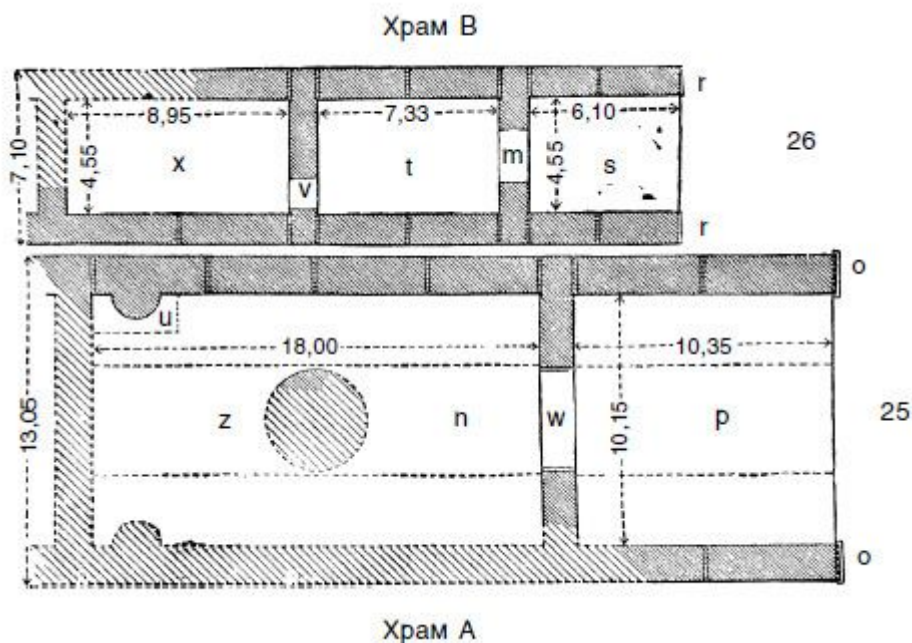

Рис. 25. План храма А

Рис. 26. План храма В

Пронаос р имеет 10,15 метра в ширину при 10,35 метра в глубину и, таким образом, представляет собой просто квадрат. Передние концы боковых стен (помечены о) были снабжены вертикальными деревянными подпорками, поскольку углы стен состояли из кирпичей и без этой подпорки могли легко быть разрушены (см. рис. 27). Эти подпорки, которых было шесть на каждом конце, стояли на хорошо обработанных камнях фундамента, их нижние части, стоявшие на камнях, сохранились, но, конечно, в обугленном состоянии. Длина стороны каждой из этих деревянных подпорок составляла 0,25 метра, так что шесть подпорок в общей сложности давали толщину стены 1,45 метра. Таким образом, в этом храме мы видим, что *parastades* или *antae*, которые были обычны в греческих храмах и служили в них лишь чисто художественным целям, были использованы здесь в основном по архитектурным причинам; во-первых, они должны были оберегать углы стен от непосредственных повреждений, и, во-вторых, делали стены достаточно прочными, чтобы поддерживать большие балки крыши.

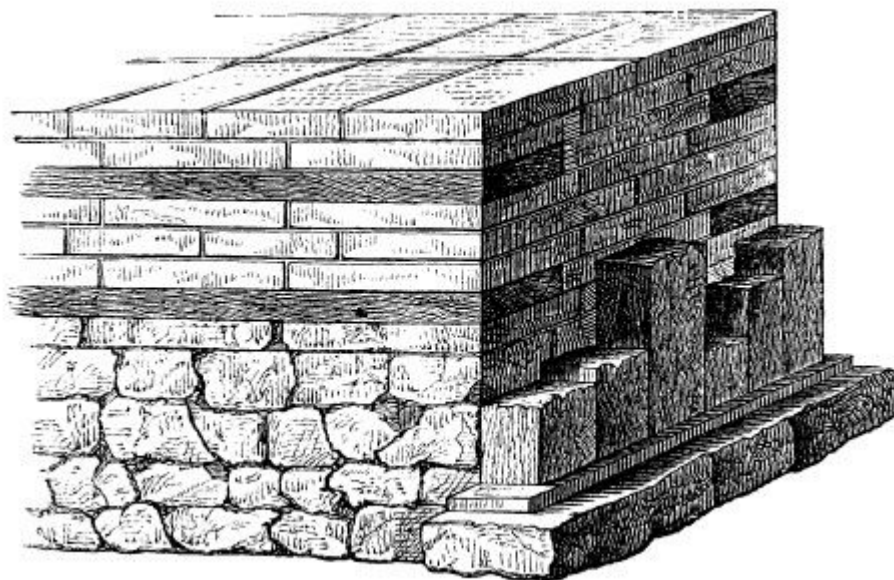

Рис. 27. Parastades на передних концах боковых стен храма А, состоящие из шести вертикальных деревянных подпорок¹¹⁰

Это открытие parastades в их первоначальной форме и с той целью, с которой они использовались изначально, представляет для археологии интерес первостепенной важности, тем более что это открытие было сделано в священной Трое¹¹¹.

¹¹⁰ Темные горизонтальные полосы между рядами кирпичей на рис. 27 обозначают канавки, которые некогда были заполнены деревом и теперь оказались пустыми. Тени на этих пустых канавках сделаны не очень хорошо, они должны быть гораздо темнее.

¹¹¹ Карл Бёттихер (*Boetticher K. Die Tektonik der Hellenen. Berlin, 1874. I. S. 194, 195, 198*) пишет о parastades следующее: «*Antae, см. Anta*. В древней (первоначальной) целле с пространствами для ант (parastas), где боковые стены доходили до края стилобата, оказываясь на одном уровне со столбами, обе стены кончались parastas, или антом, или завершались им у точки соединения. Ант здесь соответствовал антабменту колонн, и вместе с ними охватывал пространство, необходимое для формирования портика. Сами анты никогда не имели ни статической, ни конструктивной функции. Ант не был столбом, который поддерживал вес; по сути своей, это художественная форма, которая подчеркивала конец стены и начало архитрава. Его использование обуславливается только его соотношением с архитравом, и, следовательно, он требует лишь небольшого выступа из поверхности стены и выраженной разницы в форме капители и колонн. Поскольку он завершает массу стены, его передняя поверхность должна соответствовать всей толщине стены, но так как внутренняя сторона получает только массу архитрава или антабмента, то ширина анта должна определяться лишь массой архитрава, в то время как внешняя сторона отмечена выступом, достаточным, чтобы отличить его от самой поверхности стены. Когда анты расположены так, что по обе стороны от них находится огороженное пространство, и, таким образом, на них покоится два архитрава, ширина ант определяется шириной архитравов, и, таким образом, анты приобретают роль колонн. Если архитрав покоится ни на конце, ни на середине стены, то анты отмечены лишь двумя небольшими выступами. Капитель (анта) состоит из обвязки с небольшим выступом, украшенной антемием (или орнаментом из жимолости); над ним — легкий дорический киматий (валик колонны) с обвязкой из множества колец, как в эхине колонн, таким образом, организационно связывающий вместе обе части. Узкий абак отмечает его соединение с колоннами птерона; спереди он украшен меандром (прямоугольным орнаментом), как и абак колонн. Первоначально этот абак не имел валика, который отделял бы его от птерона, как это всегда было в более поздних памятниках. Достаточно очевидно, что причины, по которым анты первоначально строились не на отдельной базе, как это обычно бывало, были художественные — те же, что мешали снабжать колонны и стены базами. Такое отделение от стилобата помешало бы ему образовывать единство с двумя другими формами. Однако когда появилась база стены, с украшениями или без них, она была добавлена и к антам, однако в этом случае это — верный признак введения аттико-ионического элемента, поскольку он обнаруживается, например, в Тезеуме и в храме Артемиды-Пропилеи в Элевсине, где у базы появляется перевернутый валик. С технической точки зрения ант, или parastas, обозначает любую часть постройки, которая противопоставляется другой; таким образом, так может называться стена сбоку от входа, а также и художественная форма, которая завершает любую выдающуюся стену. Для этой художественной формы, а также для любой такой выдающейся стены используется латинский термин «ант». Термин «parastas» в конечном счете стал применяться к пространству между боковыми стенами, использование, которое иллюстрируется,

Я благодарю своего друга, г-на Джеймса Фергюссона, за дополнительный чертеж (рис. 27а) храма Фемиды в Рамнунте, который является прекрасным примером древнегреческого храма многоугольной кладки, к которому был добавлен *parastades* (p) из обтесанного камня, возможно, несколько позднее, и, естественно, в более позднем стиле. Его можно найти в томе неизданных древностей Аттики, опубликованном обществом *Dilettanti* в 1817 году (V), глава VII, илл. 1, где тщательно показана разница в каменной кладке и, конечно, представляется, что это последующее добавление.

Нельзя с точностью сказать, были ли между *parastades* храма А деревянные колонны (как этого можно ожидать при пространстве в 10 метров), однако мы не смогли найти какие-то особые камни фундамента, на которых они должны были бы стоять. Могу сказать то же самое и о любых колоннах, которые могли стоять внутри, чтобы уменьшить огромный объем крыши.

Из пронаоса (p) можно было войти в наос (и) через дверь (tv) шириной 4 метра. Как уже говорилось выше, длина наоса составляет около 20 метров в длину при 10,15 метра в ширину (см. рис. 25). Боковые стороны дверного проема (w) были обрамлены деревянными столбиками шириной 0,1 метра, которые стояли на камнях-базах, меньших по размеру, чем камни анта на конечных торцах боковых стен.

как уже было сказано, применением этого термина к обозначению как пронаоса, так и портика, когда они называются «в парастадах». Так называемое пространство *parastas*, или пространство между антами, это термин, использованный не только для обозначения данной конкретной части здания, но также и для описания формы храма и для различения особой формы храма, будь то простиль, амфипростиль или периптер. Существования одних антов для этой цели недостаточно, поскольку они присутствуют во всех известных видах храмов». Бёттихер дает следующие цитаты из древних авторов относительно *parastades*. Автор схолий к Еврипиду («АндроМЕДА», 1089, где Неоптолем снимает оружие с *parastades* храма в Дельфах) объясняет: «*παράστῃδες* называются стены, приставленные ко входу с обеих сторон». У Еврипида в «Ифигении в Тавриде», 1159, *parastas* превращается в вестибюль, отличный от целлы: «Остановись пред входом (*παράστῃσι*), государь!» и в «Финикиянках», 418: «К порогу (*παράστῃδες*) дома Адрастова пришел я» (перевод И. Анненского. – *Пер.*). Витрувий (6, 7, 1) использует термин *παράστῃς* применительно к пространству (*antae* двух выступающих стен), образуемому вестибюлю, протирону (преддверие) или простомияйон с крышей; то же самое и в надписи из Путеол, приведенной у Грутера: «Из этой стены два анта наподобие крюков да будут выступать, длиною в два фута, шириною в один». Гезихий объясняет *παράστῃδες* как «столбы, обращенные к стенам». Анты дверного прохода также представляют собой *parastades*, и их именуют *phliai* (косяки) или *stathmoi* (столбы, косяки). Гезихий: «*φλιάς* – это *parastades* дверей»; хотя термин «*φλιάς*» нередко смешивается с «порогом», как в схолиях к гомеровской «Илиаде», I, 591. Гезихий также объясняет: «*παράσταθμιές* дверей у поворотного шарнира». Poll. I, 76: «*στάθμοι*, деревянные столбы по обеим сторонам рядом с дверью, которые называются *παράστῃδες*». Геродот говорит, что в воротах Вавилона они медные: «в том числе косяки (*στάθμοι*) и притолоки». Дверные столбы у Гомера также называются *στάθμοι*... (Одиссея, VII. 89); у схолиаста – *αἱ παράστῃδες*. Anecd. Bachm. I. 369, 21: «*στάθμ' ὧν*, то есть *παράστῃδων* дверей». Гезихий – *στάθμιός* и *στάθμ' ὧν*, а также *ῥμοστήρες* в *ῥμοστής*. Etym. M. 609, 34: «*στάθμιός* – это *φλιάς* дверей». Зонара, Lex. p. 1814: «*φλιά* – это боковая часть двери или колонна, на которую что-то ставится и опирается». Arion, Gloss. Homer. «*στάθμιός* – это *φλιάς* дверей». Schol. Lycophr. Alexandra, V. 290: «И колонна (*παράστῃς*) называется *στάθμιός* Phot.: «*στάθμ' ὧν*, то есть *παράστῃδων* дверей».

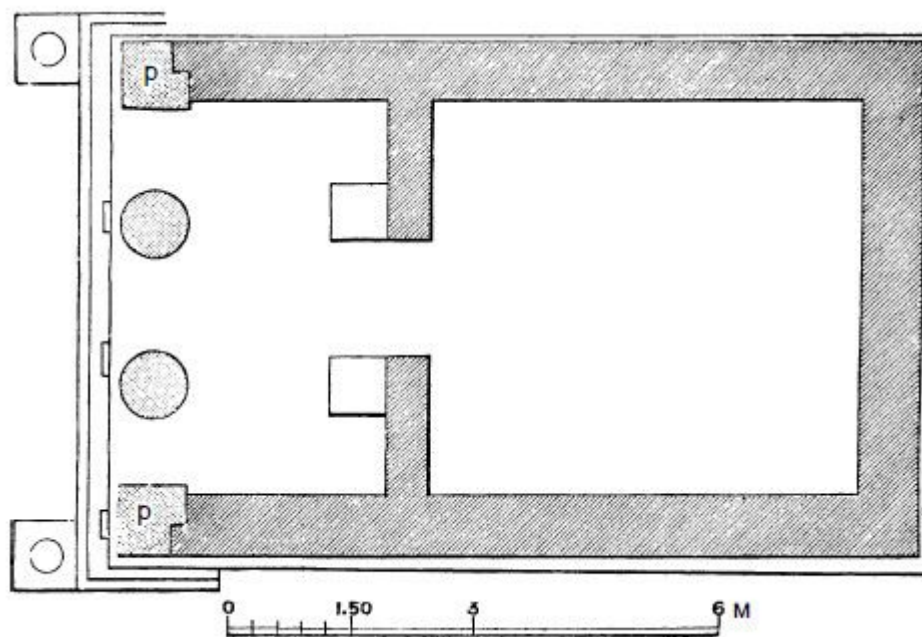

Рис. 27а. Храм Фемиды в Рамнунте

Точно в центре наоса находится круглое возвышение (г) диаметром около 4 метров, которое поднимается на 0,07 метра от пола. Оно, как и пол, сделано из утоптанной глины и, как кажется, служило основой алтаря или пьедесталом для идола; однако мы не можем ничего сказать определенно, поскольку большая часть круга была срезана большой северной траншеей. На северо-восточном конце боковой стены наоса находится полукруглый фундамент (и), назначения которого мы не смогли определить, поскольку верхней его части недостает. Как и все здания в доисторических городах Трои, эта постройка имела горизонтальную крышу, которая была сделана из больших деревянных бревен, балок поменьше и глины. Это очевидно из полного отсутствия какой-либо черепицы, а также из того, что внутри здания есть слой глины толщиной 0,3 метра, смешанный с обгоревшими балками и несколькими большими, хорошо сохранившимися кусками дерева. Все это, конечно, должно было принадлежать горизонтальной террасе, которая некогда покрывала здания и которая во время падения города рухнула внутрь. Такие крыши все еще широко используются в Троаде. Большинство домов как в турецких, так и в греческих деревнях имеют подобные горизонтальные крыши, которые сделаны из прочных деревянных балок, меньших поперечных балок, камыша и толстого слоя глины.

Как мы уже говорили, храм В расположен параллельно храму А на его северо-восточной стороне и отделен от него только проходом шириной 0,5 метра (см. рис. 26). Его стены также были построены из грубых кирпичей, которые были искусственно обожжены, когда стены были вполне готовы – так, как это выше было описано. Толщина стен составляет 1,25 метра, они покоятся на фундаменте из небольших необтесанных камней глубиной всего 0,5 метра, который не покрыт большими каменными плитами, как в храме А. Конструкция этих кирпичных стен похожа на стены храма А и отличается от них только деталями. Анты (г) построены подобным же образом. Этот храм (В) был построен позднее, чем А, поскольку его юго-западная боковая стена не имеет покрытия на внешней стороне и ее нельзя было видеть из-за того, что здание стояло так близко к храму А. С другой стороны, вся внутренняя сторона северо-восточной боковой стены храма А снабжена покрытием, которое должно было относиться к тому времени, когда большое святилище стояло в одиночестве, а храм В

еще не был построен. Заслуживает особого внимания то, что северо-восточная стена храма В обожжена гораздо меньше, чем юго-западная; причина, судя по всему, в том, что во время обжига последней жар должен был быть гораздо более сильным ввиду близости к зданию А. Узкий проход между двумя храмами был заполнен мусором или обожженными кирпичами, среди которых мы обнаружили очень большое количество совершенно застеклованных кирпичей, которые в Германии называют Ziegelschlacken (кирпичный шлак). Материал кирпичей идентичен с материалом храма А, в то время как цемент состоит из гораздо более светлой глины, которая смешана с тонко порубленной соломой и также после обжига имеет гораздо более светлый цвет, чем кирпичи.

В плане здание (см. рис. 26) состоит из трех комнат: первая – пронаос (5), открытый на юго-восточной стороне, длиной 6,1 метра и шириной 4,55 метра, вторая – целла, или собственно наос (t), длина которого составляет 7,33 метра при ширине 4,55 метра. Она связана с пронаосом дверным проходом (т) шириной 2 метра. В западном углу более узкий дверной проход (у) ведет в третью комнату (х), длина которой – 8,95 метра, а ширина – 4,55. Пол, сделанный из утоптанной глины, был устроен позднее, чем покрытие стен, поскольку его можно проследить на 0,1 метра ниже пола. Поскольку покрытие стен заканчивается у дверных проходов и здесь все еще заметны кусочки угля, то очевидно, что боковые стороны дверей были покрыты каким-то другим материалом, возможно деревом.

Нужно обратить особое внимание на то, что до высоты около 0,5 метра от пола ни в одном из двух храмов глиняные стены не подверглись остеклению, но только сильно обгорели; причиной, видимо, послужили большие или меньшие массы горящего дерева, которые падали в разных местах. Весьма замечательно большое количество небольших раковин, найденных в кирпичях, которые должны были содержаться уже в глине, из которой они были сделаны. В обожженных кирпичях эти раковины всегда черные, а в тех, что не подверглись воздействию сильного жара, сохраняют свой естественный цвет. Нельзя точно сказать, существовала ли на северо-западной стороне еще четвертая комната, поскольку на основе существующих фрагментов фундаментов доказать этого нельзя.

Хотя разделение храма В на три комнаты поразительным образом соответствует плану дома Париса согласно описанию Гомера:

Мужи ему почивальню (θάλαμον), и гридню (#υλήν), и дом (δωμα) сотворили¹¹², —

тем не менее приведенные выше доводы, как кажется, доказывают с большой долей вероятности, что оба здания, как А, так и В, были храмами. Оба храма были разрушены в страшной катастрофе вместе со всеми другими постройками второго поселения.

На северо-западном конце храма В из-под его пола выступают большие руины более древних стен дома, очевидно принадлежащие к первой эпохе второго города. Эти древние стены дома можно проследить далее, под пол храма А; они помечены черным цветом и буквами *va* на плане VII. Естественно, они должны принадлежать строению, которое стояло здесь до того, как были построены храмы А и В. Конечно, было бы невозможно определить план этих древних стен, не разрушив оба храма.

Между двумя храмами А и В и юго-восточными воротами (ОХ на плане VII) мы обнаружили, как я уже говорил, остатки постройки, которая была воздвигнута точно над входом в южные ворота и которая на плане VII помечена буквой С. Она была найдена в весьма поврежденном состоянии, поскольку дома третьего города в этом месте были построены только на 0,2 метра выше уровня второго города: поэтому мы мало что можем сказать о

¹¹² II. VI. 316. Здесь я могу заметить, что у позднейших авторов термин «#υλήν» нередко используется применительно к жилому дому, см., например, «Прометей» Эсхила (*Aeschyl. Prometh. 122. Ed. Tauchn.*) – # Διοῦς #υλή, также примечание Монка к Еврипиду, Ипполит, V, 68 (издание Таухница).

плане этого здания. Лучше всего сохранившаяся часть – вестибюль (ivv), ширина которого составляет 3,13 метра. Северо-западные концы его боковых стен (g) снабжены деревянными parastades, похожими на соответствующие детали храма А (см. рис. 27). На каждом боковом конце стены шириной 1 метр, возможно, были четыре вертикальных деревянных столба, которые стояли на огромном блоке из твердого известняка, хорошо обтесанном и отполированном, на котором можно видеть паз. Как и в храмах А и В, эти деревянные столбы служили для защиты передних концов стен, построенных из кирпичей и недостаточно прочных; деревянные столбы в то же самое время поддерживали террасированную крышу. На расстоянии 2,5 метра от parastades (g) можно видеть хорошо обтесанный и отполированный блок из твердого известняка длиной 2,65 метра и шириной 1,2 метра, который лежит поперек вестибюля здания С и заполняет всю ширину между его боковыми стенами. На юго-восточной стороне мы видим паз. Скорее всего, этот необычный блок образовывал порог в находившемся здесь большом дверном проеме, однако точно определить этого мы не можем, поскольку там, где должен был быть проход, боковые стены были полностью разрушены. Сперва мы предположили, что это здание представляло собой отдельные ворота для храмового участка обоих храмов. Однако открытие на северной стороне нескольких присоединенных к нему комнат (zy) заставило нас снова в этом усомниться; в то же время мы не можем сказать, как далеко простирались эти комнаты. Во всех комнатах этого здания пол состоял из утоптанной глины, которая, очевидно, была искусственным образом обожжена; он также распространялся и на большой порог, и на камни оснований parastades там, где они не были заняты деревянными столбами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.